

КРЫМСКОЕ ГЕОПОЭТИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ

В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ ДИЛОГИИ
Людмилы Корнеевой
о крымской сонетиане

В 2019 году в издательстве «Центр гуманитарных инициатив» (М-СПб) вышли в свет две книги Людмилы Корнеевой из цикла «СОНЕТ: в блеске русской огранки»:

«КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ КАК ГЕОПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН»
«ВЕНОК СОНЕТОВ В КРЫМСКОМ ПРЕДСТОЯНИИ»

Автором, через ОБРАЩЕНИЕ к читателям, организована заочная презентация дилогии, которая, по обозначенным задачам и представительству, может быть названа рабочим собранием читателей, приверженных Крыму и русской поэзии. В данной публикации представлены материалы этого Собрания.

ХОД СОБРАНИЯ:

- **ВТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА ДИЛОГИИ,
ВЕДУЩЕГО СОБРАНИЕ • 4**
- **ОТКЛИКИ УЧАСТНИКОВ СОБРАНИЯ
на ДИЛОГИЮ ЛЮДМИЛЫ КОРНЕЕВОЙ • 5**

ПОЭТЫ, чьи произведения представлены в диалогии:

Тарасенко Дмитрий Николаевич,

поэт, писатель-краевед,

член Союза писателей России, г.Севастополь • 5

Любчик Вера Николаевна,

поэт, писатель, член Регионального союза писателей Республики Крым, доктор медицинских наук, г.Евпатория • 9

Кармаза Алла Андриановна,

поэт, прозаик, член ЛИТО им. А.Н.Озерова,

библиотекарь высшей категории, г.Севастополь • 11

Егорова Тамара Андреевна,

поэт, член Союза писателей России, г.Ялта • 13

Зиганиди Адольф Борисович,

поэт, член литературного объединения им. А.П.Чехова, г.Ялта • 14

Докшин Владимир Васильевич,

Заслуженный журналист Республики Крым,

член ЛИТО «Киммерия», г.Судак • 16

Митрохин Валерий Владимирович,

поэт, писатель, член Союза писателей России, г.Симферополь • 17

ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ и КУЛЬТУРОЛОГИ:

Проскурякова Елена Валентиновна,

поэт, писатель, художник, крымский редактор

журнала «Таврия литературная», г.Новосибирск • 19

Кошемчук Татьяна Александровна,

доктор филологических наук, профессор

Государственного аграрного университета, г.Санкт-Петербург • 22

Подковырова Вера Григорьевна,

кандидат филологических наук, главный хранитель отдела

рукописей Библиотеки Российской академии наук,

г.Санкт-Петербург • 30

Голикова Светлана Семёновна,

культуролог, композитор, издатель живого журнала «evrica_taurica»
(evrica-taurica.livejournal.com) • 32

Люсый Александр Павлович,

доктор филологических наук, кандидат культурологии,
профессор Института кино и телевидения (ГИТР), г.Москва • 35

Жуковская Татьяна Никитична, исследователь культурного
наследия Серебряного века; научный сотрудник Литературно-
художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых
в г.Александрове; внучка А.К.Герцык, популяризатор её творчества
и хранитель архива семьи Герцык-Жуковских. • 42

ЧИТАТЕЛИ:

Попова Ирина Михайловна,

почитатель поэзии и бардовской песни,
кандидат химических наук, г.Москва • 43

Митрохина Елена Валерьевна,

писатель, журналист, г.Бахчисарай • 44

Яковлева Галина Григорьевна,

поэт, член Союза писателей Республики Крым и Союза русских
писателей Восточного Крыма, г.Феодосия • 45

Шестакова Нина Дмитриевна,

писатель, историк-мезеевед, г.Керчь • 49

Сологуб Ольга Александровна,

директор городской библиотеки им. В.П.Рыкова,
член ЛИТО «Киммерия», г.Судак • 50

Лоскот Людмила Николаевна,

режиссёр школьного театра «Ника», г.Судак • 50

Фомин Анатолий Иванович,

поэт, доктор исторических наук, г.Судак • 51

Фролов Владимир Иванович,

поэт, член ЛИТО «Киммерия», г.Судак • 52

Шевченко Валентина Петровна,

поэт, член ЛИТО «Киммерия», г.Судак • 53

Мосиенко Ольга Ильинична,

поэт, член ЛИТО «Киммерия», г.Судак • 54

• **ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВЕДУЩЕГО** • 56

МАТЕРИАЛЫ СОБРАНИЯ:

- **ВТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА ДИЛОГИИ,
ВЕДУЩЕГО СОБРАНИЕ:**

Неожиданно сложившаяся обстановка в нашей жизни диктует и новые формы общения. Вот и наше, давно планируемое, мероприятие явилось в своей видоизменённой, заочной форме, которая хоть и исключает возможность живого общения, но в то же время позволяет расширить круг участников и предоставить каждому благоприятные условия для обстоятельного высказывания своих впечатлений и мыслей. Оказалось немаловажным, что наша встреча происходит более чем через полгода после выхода этих книг, и все участники, до сведения которых они уже дошли, в какой-то степени уже ознакомились с ними и могут высказать свои впечатления осознанно.

Все эти обстоятельства продиктовали не традиционную форму презентации новых книг – с целью публичной заявки их автора об этом событии, – а существенно иное мероприятие. Оно может наполниться содержанием, позволяющим обозначить его как рабочее Собрание актуальной тематики, на которое пришли заинтересованные люди.

И вот, имея в виду, в первую очередь, широкое представительство и активность участников, можем с удовлетворением констатировать, что задуманное мероприятие состоялось. Учитывая его сосредоточенность на крымской поэзии, с полным основанием назовём его **КРЫМСКИМ ГЕОПОЭТИЧЕСКИМ СОБРАНИЕМ**.

Заочность общения его участников определила и разновременность, и произвольную форму высказываний: одни выступающие смогли представить себя на публичном мероприятии и отозвались цельным рассказом о своих впечатлениях; другие настроены видеть в собеседниках только автора презентуемых книг и обращаются к нему напрямую; иные же – не приемля для выражения своих мыслей эти воображаемые публичные обстоятельства – даже использовали постмодернистские приёмы иносказания... В собрании участвуют также и те читатели, кто ещё до Обращения автора книги, в переписке высказал свои впечатления, мысли и замечания. Некоторые читатели, по разным причинам пока не

оформившие свои отзывы, присоединятся к нашему Собранию позже.

И хоть все участники встречи в данной ситуации являются, в первую очередь, читателями вновь изданных книг, но, в силу различной к ним причастности, имеют разные читательские позиции и составляют различные сообщества: 1) главные герои встречи – авторы сонетов и сонетных венков; 2) авторы исследовательских работ по крымской или сонетной тематике, тесно связанные с книгой, а также инициаторы культурных практик и движений в Крыму; и 3) целевая аудитория издания – непрофессиональные читатели, интересующиеся проблематикой обсуждаемых книг. Но, несмотря на различия выделенных читательских сообществ, все высказывания представляют собой некое единство: и не только как совокупность отзывов на данные книги, но и – как общий произвольный рассказ об одном и том же...

И этот рассказ требует отдельного внимания. Давайте, учитывая особенности восприятия каждого из образовавшихся здесь сообществ, попробуем вслушаться (сквозь естественную для презентации эмоциональность) в рассуждения, оценки, ассоциации всех участников – по существу поднятой в книгах проблематики: о Крыме, о поэзии, о крымских сонетах и венках...

Таким путём мы сможем воспринять новые учительные смыслы, родившиеся в этом коллективном произведении, и так подтвердить актуальность и целевое назначение нашего рабочего Собрания.

• ОТКЛИКИ УЧАСТНИКОВ СОБРАНИЯ НА ДИЛОГИЮ ЛЮДМИЛЫ КОРНЕЕВОЙ

ПОЭТЫ, чьи произведения представлены в диалогии:

Дмитрий Тарасенко

- Уже почти забыл и не надеялся, но вот – праздник! Сотворено великое дело, не первое и, даст Бог, далеко не последнее, так что Вы останетесь в истории крымской поэзии, да и самого Крыма. Спасибо Вам и низкий поклон.

Читать начал не с себя, как принято у молодых, а по порядку. Многие стихи Волошина знаю наизусть, а вот венки воспринимал прежде с трудом, по причине сплошных «миров» и «светил». С удовольствием изучил Ваш разбор и хоть что-то понял – говорю серьезно, без иронии.

Очень понравился венок Сережи Овчаренко, с которым давно знаком и стихи которого всегда считал настоящей поэзией. Понравился и Ваш разбор его творчества, как может понравиться университетская лекция, по которой не придется сдавать зачет. Без канцелярской накипи и притом сложно, с массой всевозможных ассоциаций. Они как лучики светят в разные стороны, и хочется проследить за каждым.

Не мог обойти очерк о Митрохине, но это надо читать, как говорил поэт (кажется, Мандельштам) о книге Палласа, «не спеша, с придыханием». Отложил пока, вместе со всем остальным.

Добрался и до себя любимого. Понимаю, что мой венок дает гораздо меньше поводов для размышлений, он так задуман и не претендует. Однако Вам и это удалось. Новая статья гораздо глубже той, что Вы когда-то присылали. Не надеялся, что из него можно сделать столько выводов и так по-взрослому все это предоставить. Даже Сенека упомянут дважды, притом обоснованно (о втором разе я не подозревал). Да, это здорово, когда литературовед и самому автору открывает глаза.

Свершилось главное – Ваша (наша) книга стала новой, оригинальной и весомой весточкой русского искусства в Крыму. То есть, русского мира. Даже меня она призывает возвратиться в мир поэзии, от которого оторвался, потому что третий год занимаюсь чисто физическим трудом – ремонтом дома и благоустройством сада...

- Очень хорошая идея – собраться в летнем Судакe и провести презентацию Ваших книг. Как получится в эту пору, не знаю пока... Держали мы с Митрохиным эту тему под прицелом, хотели благодарными читателями и соучастниками просто приехать к Вам на денек на моей черной «Волге». Еще зимой обсуждали, но затерялась идея во времени, в бытовщине, а потом и в короновщине. Придется на первое время ограничиться отзывами на расстоянии, как Вы, впрочем, и предложили. Но даже к такой статье надо подготовиться, то есть, отойти на время от дел (у меня ведь дом с двором и садом, а не квартира, где надо сидеть на самоизоляции, не отходя от компа). И проникнуться этой благороднейшей темой, возвратясь на полузабытые вершины. Чтобы потом, вспоминая, благодарить Вас и за сами книги, и за возможность внезапной душевной перезагрузки. Очень хочется...

А это начало будущей статьи:

СЕКРЕТ МАСТЕРСТВА

Пишите сонеты, поэты,

О добром и вечном мечтая,
Пусть ваши простые ответы
Предстанут как тайна святая!

Пусть мудрые ваши советы,
По-птичьи сбиваются в стаю,
И рифмы, что найдены где-то,
Зовут, к небесам улетаю!

Век нервной, неряшливой формы
Иные приветствует нормы:
Пой громче, коль голоса нет!

Но хочешь поэтом назваться
Пораньше, не в сорок, а в двадцать, —
Слагай ежедневный сонет.

• Да, Людмила, Вы меня порадовали упоминаниями обо мне столичных учёных, но как трудно читать литературоведов! ...Прочитав эти отзывы и услышав Вашу оценку, поверил, наконец-то, что я не только «лучший сантехник среди поэтов, но и лучший поэт среди сантехников». Это скаламбурил Митрохин, которому я пару раз ремонтировал смесители на раковине и прочищал сливные трубы. Так уж совпадало с нашими к ним визитами.

Охотно пообщался бы с Вами по вопросам крымских стихотворений, но деликатно берегу Ваше время (а Вы, судя по всему, моё). Однако письма можно отнести не просто к малым, но к самым что ни на есть малым формам, и в цейтнот из-за них не влетишь. Мою душу ведь тоже не в полной мере насыщают работы садовые да строительные, вот и радуюсь каждой весточке из жаркого Судака. Вообще, Ваше пребывание в пляжно-виноградной провинции, да при таком творчестве, да в век далеко не Серебряный, вызывает понятное изумление. Примерно как последние пятнадцать лет жизни моей мамы в поселке Ливадия. Она тоже была автором книг, литературоведом, кандидатом (докторскую в Москве зарубили). Но она здесь только выступала в санаториях по линии СП, а Вы создаете такие фолианты! Малую работу, по размерам и значимости, можно и не заметить. За среднюю — хвалить сколь душе угодно. Но чтобы разглядеть такое, приходится отойти подальше и голову задрать повыше. А отойдешь подальше — отвлечешься на что-то другое, которое поближе, и — тишина... Неудобно оно, слишком большое. Как подарок, который не можешь не то что уложить в сумку, но удержать в руках, и надо вызывать такси.

Вы подробно разобрали мой венок и даже (кажется, я уже говорил об этом) нашли то, о чем я не подозревал. Но крепче всего запомнилось Ваше первое

впечатление, что я, мол, такого больше не напишу. Я воспринял это адекватно – не как приговор или недооценку себя любимого, а как первый признак Вашего хирургически-точного анализа текста. Действительно, такое пишется раз в жизни, и то не во всякой, да под влиянием сильнейших потрясений (в данном случае – со знаком плюс). Был август, я таксовал буквально день и ночь, и ради новых строк открывал мятую тетрадку в коротких перерывах между рейсами. Это вроде как у Олега Митяева («Я в столовых все салфетки исчеркал»). Только ему, в столовой, было проще. С Вашей помощью мой венок увидел свет, а это бесценно.

Представил Вас на судакском берегу, и появилась мысль. Есть в крымской самоизоляции не только оторванность от столичного общества знатоков, спорщиков, завистников. Назло обстоятельствам, мы отталкиваемся от затвердевших булыжников невнимания и непонимания окружающих, мы еще глубже вникаем в свое великое, вечное, и еще яростнее стремимся проявить себя в самом возвышенном и чистом. «Я сам избрал пустынный сей затвор».

И конечно, мы здесь так близко к природе, что только завидовать могут жители мегаполисов, сколько бы ни путешествовали по заграницам. Что эти редкие путешествия, на десять дней в году? Однако природа – и в этом не только ее дар, но и подвох – очень мало оставляет места для всевозможных душевных метаний и духовных проникновений. У меня, по крайней мере. Сколько ни вникай в чужую мудрость, как ни копайся в глубинах сознания и подсознания, а вот ляжешь в траву с одуванчиками, вдохнешь аромат сосновой хвои...

ГОЛОС ПРИРОДЫ

Я в школе сочинял стихи,
В писателя играя,
Тетрадь весёлой чепухи
Валяется в сарае.

Взрослел, творил, что было сил,
До выпускного класса,
И всё же только подходил
К подножию Парнаса.

Пришла пора – прекрасных дам
Стал потчевать стихами,
Хоть так, казалось, им воздам
Под «истину в стакане».

С годами больше стал ценить
Скульптурный стан сонета,
Сплелась божественная нить,
Как зрелости примета.

Теперь с утра сбегая в лес,
Ноутбук не открывая,
Поёт в лесу, под цвет небес,
Зарянка зоревая.

Её окрас, её полёт
Лишь вызывает зависть.
Она меня перепоеёт,
Напрасно я стараюсь.

Вера Любчик

Мысли вслух по поводу посвящённой крымским сонетам дилогии Л.Н.Корнеевой

В двух книгах из серии «Сонет: в блеске русской огранки»: «Венок сонетов в крымском предстоянии» и «Крымские сонеты как геопозитический феномен» (2019 г.), автором которых является Л.Н.Корнеева, дана пространственная художественная летопись Крымского полуострова, оформленная языком сонета как исполнителя главной мелодии Крымского текста. Поэтические крымские впечатления в виде сонета или венка сонетов – геопозитический феномен русской поэзии. Крым, обладая геопозитической многомерностью, существует вне тематических и временных контуров, побуждает к развитию художественного и политического мышления в категориях географических образов, – что является «существенным для географического, культурологического, исторического, политологического анализа развития общества», «цивилизационного анализа любого общества» (Д.Н.Замятин, 2010).

В этом ракурсе две прекрасные книги академического уровня – отражение высокого уровня крымской сонетианы не только как литературного явления, но и как научного явления, расширение ареала гуманитарной географии, а точнее – имагинальной, или образной географии, имеющей центром притяжения структурирование первичных комплексов пространственных восприятий и представлений.

Обе представленные на суд читателя книги – пример междисциплинарного литературоведческого, исторического, геопозитического, политического рассмотрения и оценки полифонического звучания Крыма в истории России и мира (не только Европы). В обеих книгах, как в чистой воде озера, рождённого родником, отражено и видение другими, и самоощущение Крымского полуострова на протяжении многих веков и разных лет (а некоторые годы в истории Крыма по значимости событий и насыщенности ими могли вместить в себя сотни годичных отрезков истории).

Продолжаю читать понемногу одну и другую книгу, стараясь делать это не спеша и вникая в авторские интонации, вслед за нитью повествования автора или чуть отступая от неё, уносимая боковым ветром каких-то воспоминаний, сравнений, мечтаний... Л.Н.Корнеева – воистину волшебница перевода с поэтического авторского диалекта на прекрасный филолого-изыскательский, литературоведческий, историко-мифологический язык. Хорошо, что метод медленного чтения (прочтения) позволяет получать удовольствие от бережного подробного рассмотрения творчества крымских авторов сонетов и венков сонетов. Вчитываюсь в часть III книги о венках («Крымская геопоэтика в современных венках сонетов») – и такое создаётся впечатление, что авторское перо – из ангельского крыла, и ему легко парить в экософском пространстве, откуда ясно просматриваются все дали и шири крымского текста.

Признаюсь, очень по-разному воспринимаю «трудноуследимую полифонию» (так сказано о М. Волошине: «Крымские сонеты как геопоэтический феномен», с.180) концепций, идей и образов таких разных авторов книги. Видимо, это – следствие проявления математической закономерности ритмики стихотворного текста и авторского повествования – то легко бежишь, как по тропинке, то внимательно и не спеша ступаешь, хотя мог бы ускориться, – но что-то сдерживает, не даёт расслабиться и довериться шагу. Легче всего чувствовала себя в обществе Л.Вышеславского, радовалась талантливым переводам В.Коробова. Убеждаюсь снова, что перечитывать сонеты М.Волошина можно при различном состоянии активности или неактивности – всё равно впереди вырастают ступени рассуждений, по которым идти и идти, и требуется «особое напряжение чувственной и мыслительной энергии» («Крымские сонеты как геопоэтический феномен», с. 143)... Для того, чтобы исполнять миссию поэта – «служить гармонизации мира» («Венок сонетов в крымском предстоянии», о поэтике В.Митрохина, с. 212), ему необходимо находиться в нужном месте и в нужное время, не терять чувства нахождения «здесь и сейчас», то есть научиться быть для самого себя своеобразным камертоном. Прав был Гёте: «обсуждать, наслаждаясь, и наслаждаться, рассуждая».

За книгами, созданными Л.Н.Корнеевой, стоит огромный труд...Они созревали к своему сроку, как редких сортов виноград, который знатоками ценится больше других. «Ничто не случайно», не случайно написаны и они, посвящённые крымской сонетиане. У автора обеих значимых книг есть высокое по уровню соответствия жизненное предназначение, и литературный «крест» больше и тяжелее, чем у других. Но он и выше и виднее для многих, идущих рядом и позади, и он не учит, не призывает, а просто показывает возможность исполнением предназначенной миссии понимать и объяснять действительность, помогает объёмно воспринимать её целостность, значение и красоту.

Не знаю никого, кто бы по доброй воле так подробно, обстоятельно и грамотно взялся бы за такую непростую тему, как крымская сонетология.

Язык и уровень повествования сам по себе доставляет эстетическое удовольствие. Учитывая разноплановость цитируемых авторов венков сонетов, их различные диалекты и разнообразные акценты, – можно воспринимать текст обеих книг как великолепную сонетную корону Крымского текста. Никто в Крыму лучше не расшифровал Крым как проявление самобытности крымского литературного ландшафта и как часть культурного пространства России – таким образом, как смогла это сделать Л.Н.Корнеева. Обе книги – настоящий литературный памятник, выстроенный строчка за строчкой Крымский мост, связующий прошлое и будущее.

Хочется выразить огромную благодарность Л.Н.Корнеевой за большой, красивый и полезный труд. И сколько души вложено в написанные книги, пусть столько же приумножится и вернётся к автору жизненными силами!

Алла Кармаза

Уважаемая Людмила Николаевна!

Поздравляю с удивительным литературоведческим трудом, таким объёмным и многоплановым! Благодарю Вас за возможность приобщиться к знаниям, которыми Вы щедро делитесь с читателями. Радует сердце интересная информация о Крыме, «тематическая, жанровая, временная», о его особенности – пробуждать и усиливать творческий потенциал.

Вы привлекли так много интересных литературоведческих изысканий по истории и особенностям жанра сонета. И так замечательно сказали о его вершине – венке сонетов, дающем возможность не только расширить и углубить тему магистрала, но и обособиться в совершенно новое произведение, со своей энергетикой, отвечающей на постоянные импульсы Земли и Космоса. По оценке К.С. Герасимова, *«в написании венка сонетов художественный разум достигает своего высшего проявления»*.

Спасибо Вам за глубокий, тонкий анализ особенностей мастерства крымских авторов, которым и талант, и *геопозэтическое чутьё* позволило освоить код Крыма, и написать замечательные произведения высоких жанров: сонеты и венки сонетов.

Спасибо за богатый, красивый язык Ваших повествований, за Ваше изыскательское умение проследить тончайшие нити, связывающие с авторской мыслью, за Ваше грамотное посредничество между автором и писателем.

Очень приятно, что не остались без внимания собиратели венков сонетов, и среди них радушный и общительный Сергей Александрович Луговцев, собравший в электронной почте более 7500 венков сонетов и информацию о 2700 авторах.

Ваш двухтомник – необычное явление в литературоведении Крыма. Это жанровая, краеведческая Антология, и это школа вдумчивого чтения, образец проникновения в тонкости и краски литературы. Спасибо Вам!

Посылаю два сонета, навеянные Восхищением Вашей темой!

Фиолентовское шоссе

Дорога въётся по семи вершинам*
Подземных пирамид, с набором тайн,
О чём молчат, и как дремуч их стан,
Чем рознятся и в чём они – едины?

Непознанные крымские седины...
В них, может, дремлет не один титан,
(Похож на Кроноса иль, как Уран)
От звёздных войн ушедших неведимо.

Исходят волны через нас от них,
А ловятся в Галактиках других?
Чего нам ждать от скрытого соседства?

И, может быть, под нами порох в бочке
А мы беспечно, в благодушье сердца
Растим над ними дачные цветочки?

Январь 2020

**Вероятно, речь идёт о недавно открытых в районе Севастополя подземных пирамидах, соизмеримых с египетскими и имеющих загадочное строение (прим. Л.К.)*

Штрихи о Крыме.

Особенностям Крыма нет повторов:
В его дыханье вековые сны
Чреватые постиженьем глубины
И притяжением сердец и взоров.

Ажуры времени в подземных коридорах,
Сеть верхолазных троп. И влюблены
Все музы в Крым, в весомость тишины,
Хранительницы встреч и разговоров.

О, всех не счесть, кто Крымом был обласкан!
Кто зарядился силой мифа-сказки,
И стал неузнаваемо другим.

И Крым зовёт с радушием горячим
«Скитальцев» искренних. Как побратим
Желающим себя переиначить.

Январь, 2020

Тамара Егорова

- ...Книга прекрасно издана. Какой огромный труд Вы проделали, сколько душевных сил было затрачено... Но чувствуется, что эта работа была в радость. Благодарю Вас!

- Ваш труд замечательный, а главное – бесценный. У меня уже очередь на эту книгу. Людмила, Ваш труд по очереди читают поэты Чеховского общества. Книга ходит по рукам и вызывает восхищение. Ваши комментарии в этом труде впечатляют. Никто не знает, что автор из Судака. Сегодня мне прислал отзыв на Вашу книгу руководитель ЛИТО им. Пушкина, он посещает также и Чеховское общество, приходит на занятия, которые я провожу, Анатолий Чайка. И вот совпадение: он впервые в жизни написал сонет, и притом – о Судаке. Не могу не послать его послание ко мне. Правда, формат сонета не выдержан, но тем не менее:

«Прочитал (уже до половины) книгу Людмилы Корнеевой «Крымские сонеты как геопозитический феномен», замечательную своим анализом творчества поэтов, пишущих о Крыме, и вдруг впервые в жизни написал сонет. Спасибо автору за книгу и моё вдохновение!

СОНЕТ

Где-то там откровения множат
Барселона, Париж...А пока
Мне заморских видений дороже
Серебристая даль Судака.

Беломраморны облака
Над седой Лигурийской пустыней...
Птица вскрикнет и тут же застынет.
Слышу зов её сквозь века.

И, с волною о вечности споря,
Призадумался Меганом.
Здесь играют гекзаметры моря
Золотым киммерийским песком.

А на нём уже выткалась вязь —
С этим краем туманная связь...

21.02.2020»

Адольф Зиганиди

Формула становления

Особенностью крымского литературного пространства конца XX и начала XXI веков является ярко выраженное стремление отождествить свой общественно-социальный уклад, мировоззренческие и культурологические принципы с аналогичными принципами России, тем более, что нахождение в течение двух десятилетий в составе Украины, свершившей резкий уход из общего русского мира, такое стремление только усилил. Сонет как жанр, хранящий длительную временную связь с каноническими особенностями в выборе тематики, особой формой построения текста до сей поры не утратил своей актуальности, а наоборот – вновь обрёл её и принял на себя усилия крымского литературного поля выразить эти устремления именно в сонетной форме, часто – в виде венков. Каждый пишущий считает свой труд не напрасным. Единицы пишут «в стол», для себя. Те, кто с длительным литературным стажем, стараются быть изданными и испытывают трепет и радость, взяв в руки собственный томик – а «иначе зачем на земле этой грешной живу». Это одна сторона деятельности. Есть и другая. Увидеть документ признания своей полезности обществу в виде труда специалиста по разбору и анализу опусов пишущей братии. Тут уже берёшь в руки (если такая возможность случится!) с биением сердца, веря и не веря в чудо, работу маститого аналитика. Вот о таком «чуде» я и веду речь, предварив его написанным выше и далее. Труд Людмилы Корнеевой – «КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ КАК ГЕОПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН» вызвал и у меня такой же душевный трепет и волнение. Сначала я бегло просмотрел присланный мне том, затем внимательно начал читать посвящённую моей сонетиане главу...И поразила громадность той работы, что проделала Людмила Николаевна, одевая лавровый венок на каждую упоминаемую голову. Анализ буквально каждой строчки, да ещё вкупе с разборкой классиков – А.Пушкина, М.Волошина, А.Мицкевича и др. Я в этом ряду оказался шестым. Представьте, читатель, мой шок и трепет – я ничего подобного не ожидал ниоткуда. Но вот нашёлся удивительный ценитель и знаток и вытащил меня из Леты, в которую я себя отправил, ни на что более не надеясь. Торжество случая! Повторю только: работа Людмилы Корнеевой – квинтэссенция трудолюбия, любви к Крыму, его процветанию, уникальная способность к анализу, философско-этическое мышление и даже космические построения в сфере общеобразовательной неразрывности литературного процесса в лоне общечеловеческой деятельности.

Нельзя пройти мимо второй части диалогии, продолжающей конкретный разбор отдельных работ крымских сонетистов. Одно дело, когда пишешь по своему разумению и сложившейся практике какую-нибудь околону научную статью в плане публицистики, и совсем другое – проникнуть в букву и дух чужого построения, понять душевное состояние и мировоззренческий уклад,

его имманентную составляющую и долгосрочную перспективу исследуемого субъекта. Тут уже не только дотошность, присущая исследователю, но и кровная заинтересованность в положительном исходе работы, ревность при совпадении мировоззренческих принципов уже в самом подходе к описываемым событиям или литературному канону. Тонкое проникновение в чужую душу – залог успеха в анализе предложенных концепций, в которых сам автор бывает порой противоречив и неустойчив. В такой ситуации исследователь должен дать единственно верный вывод, либо наиболее общепонятное предположение (гипотезу). Причём не только дотошно, но и с любовью. Всеми этими качествами обладает Людмила Корнеева, входя в мельчайшие детали подтекста, связывая их золотой цепочкой замеченной ею неочевидности. И так по всему полотну сонетианы. При таком открытии, сделанном мною (думаю, я не одинок в таком открытии), становишься более доверчивым к прочитанному и увереннее в выводах в отношении собственных произведений. В общем, придя к пониманию полезности своего творчества и заинтересованности читателей (иначе откуда взяться ценителям и аналитикам?) чувствуешь необходимость рассказать о собственном пути на Парнас.

Писать я начал поздно – в 1998 году, выйдя в 1997 году на пенсию. К этому времени вся деятельная часть жизни уже прошла и накопилось огромное количество впечатлений разного плана, начиная от начала войны, фашистской оккупации, освобождения, победы, школьных лет, семейной жизни и форм досуга. Пройдя службу в Советской Армии и работая затем в сфере услуг, общаясь непосредственно с обслуживаемым контингентом, выработал в себе мировоззренческие принципы и социально-политические взгляды – в общем, всё то, что необходимо иметь Человеку и Гражданину. Всё это наполнение, дойдя до определённого максимума, потребовало выхода и я стал чувствовать необходимость самовыражения, ибо был ещё и заядлым читателем. И в этой области тоже сложились свои предпочтения. В 1991 году распался Союз – наша единая Родина и писательский Союз СССР разбежался по своим национальным норам, продолжая размножаться на периферии. Вместе с Компартией утратила авторитет и просто исчезла цензура. В Крыму появилось три Союза писателей и инициативные литературные активисты развернули свою деятельность по привлечению самодеятельной писательской массы к объединению в литературные объединения и союзы. Почти по всем городам Крыма такие объединения состоялись. Почувствовав свою определённую состоятельность, поэты и прозаики начали наращивать профессиональные мускулы и самостоятельно издаваться, благо, появились многочисленные частные издательства. Таким образом, в 2004 году я был принят в Союз писателей Крыма, имея полноценный сборник «Заповедник снов», а к 2009 году их было уже четыре. Достигнув к этому времени определённого уровня поэтического мастерства, я сделал важный для себя вывод – необходимо найти свою поэтическую нишу... Я начал искать для себя жанр, в котором для меня открывалась

возможность стать заметным в крымском поэтическом поле. В один из юбилеев Рождения, мой шурин – старший гид-переводчик Интуриста, поклонник моего творчества и сонетов, подарил мне альманах-фолиант английских сонетов, что сильно подстегнуло мою активность в этом жанре.

По складу характера – я ведомый и хороший исполнитель, так что рамки канонов сонета меня не стесняли, наоборот, я люблю искать выход в решении более сложной задачи, чем свободная строка и это у меня получается. Ещё я хорошо вписался в жанр экфрасиса*.

Самый первый веночек, который я написал быстро, но потом долго шлифовал, добиваясь единства формы и содержания, называется «Всевышнего на всём лежит печать».

Привожу его полностью и на этом заканчиваю свою исповедь**.

*Экфрасис – описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте.

** Веночек сонетов помещается в приложении к материалам Собрания. С.70.

Владимир Докшин

Субъективный комментарий

Друга, единомышленника, поклонника

Все, что Вы делаете, над чем трудитесь, что Вам удастся, мне близко, процесс познания Ваших трудов – очень важная часть моего духовного роста «вглубь». Рано поверил в то, что «счастье – это когда тебя понимают» («Доживем до понедельника»), и теперь в творческом общении с Вами стократ в этом убеждаюсь. Да, Вы дарите мне счастье понимания. И второй том Вашей Сонетианы – бесценный мне подарок.

Читателя

Второй том «ВЕНОК СОНЕТОВ В КРЫМСКОМ ПРЕДСТОЯНИИ», что называется, «проглотил». Взрос на художественной прозе, мало читал стихов (Лонгфелло, пожалуй, – исключение, и то в силу обстоятельств), далек от канонов литературоведения – то есть совсем «не Ваш» читатель. Тем не менее, получил бесценный груз мегабайтов информации, реально усвояемой моим прагматичным мозгом.

Но именно эта самая прагматика помешала получить удовольствие от первого тома. Уже в середине книги я понял, что прочитанное мне точно не пригодится. Нет, я не разочаровался в самом сонете, я преклоняюсь перед вашим гимном этой форме. Но не больше. Форма – все равно форма. Убежден, что те, кто мастерски владеет чем-то одним, сдаются перед соблазном «плодить сущности», впихивая в форму отсутствие содержания. Это красиво, но убого.

Коллеги по литературному творчеству

Аплодирую находкам в композиции материала. Для кого-то он покажется однородным. То есть, логично подавать материал по шаблону: краткие сведения об авторе, литературоведческое исследование его творчества. Вы же строили повествование и анализ от осознания личности, а в динамике – поступательно, по мере этого осознания. Замечательный метод.

Крымчанина (еще точнее – судакчанина) и, по совместительству, неисправимого скептика

То, чем наполнен до краев, расплескивать крайне нерационально. Именно поэтому я, творение Божие и продукт конкретной судакской среды, сдержан в выражении патриотических эмоций – и в быту, и в творчестве. Но исповедуемую Вами «крымскость» я, естественно, приветствую и поддерживаю. Чисто эмоционально – не логически. Восприятие субъективно. Для одних подходит следующая система доказательства истины: 1) тезис: Крым – это вершина мира; 2) разве вы этого не чувствуете? 3) вот вы и убедились в моей правоте. Для других этого мало: надо пощупать, понюхать и лизнуть. Третьим просто достаточно знать, что это именно так, и ничего никому не доказывать...

Журналиста

Работаю со словом, знаю его силу и владею техникой безопасности при его использовании. Поэтому говорю то, что должен, только тем, кому должен сказать. Отдаю себе отчет, что впервые (участвуя в этом экспериментальном коронавирусном форуме) говорю не только с Вами. Поэтому обращаюсь к остальным участникам: у меня практически нет недостатков, всего один – часто и безответственно вру.

Валерий Митрохин

Людмила Николаевна! Всякий раз открываю Вас. Вот и сейчас это происходит. Спозаранку заглянул на почту и нашел долгожданную книгу.

Все это время (с 05.00 до 09.00) листаю. Образ её проявляется. Но впереди чтение. А потом обстоятельное мнение.

Но уже сейчас говорю. То, что передо мной – грандиозно. Поражает глубиной и высотой Ваших знания и познаний.

Уже сейчас я, благодаря вашему труду, заново открыл литераторов, которых, казалось, хорошо знал.

Ваша личность мне видится той самой фигурой, которую так и хочется определить как последнюю из могикан в ряду не только способных, но и желающих распознать творчески мыслящих романтиков этого времени.

Вы отважно припадаете к линзам, отшлифованным этими руками, чтобы, разглядев если не все, то многие детали их ювелирики, оценить и подарить этот опыт распознавания и познания мира, в частности через крымскую призму. Этот магический кристалл – Ваше и только Ваше достояние, и только Ваше откровение. А сами вы – София, а дети Ваши: Вера, Надежда, Любовь...

Найдётся ли преемник, который так же сможет, и найдутся ли те, над чьими произведениями духа, да и сами темы, достойные такого анализа?..

Вот о чём беспокоится душа...

Что бы я хотел добавить к тому, сказанному ранее...

В моей литературной судьбе Вы не появились. Вы возникли. Неожданность эту я, быть может, до сих пор не осмыслил, как должно. Одно знаю наверняка. Я Ваш неоплатный должник. Во всяком случае, по двум кредитам. Боюсь, они стали невозвратными ссудами, ибо нет у меня таких ресурсов, какими я бы мог оплатить то вдохновение, которое источают Ваши оценки моей литературы, в первую очередь сонетной поэзии.

Ваши похвалы обладают ещё одним стимулом. ОН ЗАТАЁН. Он скрывается и рассчитан на обратную связь.

Я не сразу осознал эту его ценную возможность. Он зашифрован. Чем ПРОЗРАЧНЕЕ анализ, тем зримее стремление критика помочь автору выразиться точнее и ярче.

МНОГИЕ вещи после ознакомления с Вашим анализом, я доработал, и, как мне кажется, улучшил.

А вместо тех, что не поддались моей воле, я создал новые.

В результате появилось не только много новых сонетных форм, несколько венков, но и поэм, иных крупных форм. Я дополнил стихоповесть «Великий Пост», усилил и расширил поэму «Киммерийский мост». Появилось еще три небольшие, православного содержания былины «Всадник Понтий Пилат», «Ирис», «40 святых»...

Благодаря Вам я стал более уверенным в себе. Мне теперь много легче решать те или иные творческие идеи... Потому что мысленно я постоянно ориентируюсь на ваш эстетический вкус, церебрально советуюсь Вами...

Короче, я открыл в себе ряд отрадных возможностей и максимально воспользовался ими, подпитываясь энергетикой Ваших монографий.

Нарочно, умолчу о прозе, которая всегда сопровождает моё стихотворчество, потому что после него в «отвалах» остаётся много ценного, и я, мучимый жадностью, отмываю эти крупинки и отливаю из них рассказы, новеллы, афоризмы, пополняя ими неизданные романы.

Людмила Корнеева – вы стали самым содержательным периодом моей творческой жизни.

И я полагаю, мне, крымским моим собратям по литературному делу Вас посылает сам Господь.

Да хранят Вас за Ваши непомерные труды не только Ваши Ангелы, но и наши.

• ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ и КУЛЬТУРОЛОГИ:

Елена Проскурякова

Венок Венков Людмилы Корнеевой

Из всех видов чтения для меня сейчас предпочтительнее поэзия. Видимо, с годами перестают трогать чужеродные событийные страсти детективов и утомительные слезы дамского чтива. И хотя в поэзии я могу себя считать почти «всеядной», но отдельные её жанры всё-таки до сих пор от меня ускользали.

Так случилось с сонетом. Изучив его в своё время под бдительным оком учителя литературы в средней школе, не впитав сути, но тщательно препарируя его на катрены и терцеты, я, как множество школьников, надолго забыла о его существовании. В институте, вернувшись к произведениям Шекспира, как к постановочному материалу, я оказалась в плену шекспировских трагедий. Так сонет вторично появился и практически исчез из моей жизни. Уж слишком жестким казалась мне тогда его форма, слишком мало было в ней места для говорливой молодой души.

Сейчас, читая антологию Людмилы Корнеевой, я понимаю, что есть виды литературы, для восприятия которых человеку необходимо «дозреть», сформироваться духовно.

Итак, о самой книге, вернее, о двухтомнике Людмилы Николаевны Корнеевой «Крымские сонеты как геопозитический феномен» и «Венок сонетов в Крымском предстоянии». Необходимо отдать должное названиям книг. Они действительно полностью отражают суть данного произведения. Корнеева рассматривает сонеты, написанные в Крыму и посвященные Крыму, в первую очередь, с точки зрения геопозитики. И это – абсолютно оправдано. Изумительно то, что Людмила Николаевна взялась за титанический труд: найти и опубликовать лучшие творения в этом жанре и направлении. Потому что именно вдумчивое чтение крымских сонетов и венков наиболее ярко проявляет особенность сонетного жанра.

Со времен своего происхождения для многих авторов, сонет был формой высшего мастерства и основными темами его, априори, считались Философия и Любовь.

*Кто мирозданье создал, показав,
Что замысел творца не знал изъяна,
Кто воплотил в планетах мудрость плана,
Добро одних над злом других подняв;*
Франческо Петрарка, сонет 4

*Расти, душа, и насыщайся вволю,
Копи свой клад за счет бегущих дней*

*И, лучшую приобретая долю,
Живи богаче, внешне победней.*
Шекспир сонет 146

*Любовь - над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане.
Любовь - звезда, которою моряк
Определяет место в океане.*
Шекспир сонет 116

Отчаянные попытки «приземлить» этот жанр приводили подчас к смехотворным итогам:

*Морковь - прекрасный корнеплод!
Лежит, гниёт в моём подвале.
А ведь когда-то овощ тот
Мы корнеплодом в жизни звали.*
Владимир Гусев

И вот Людмила Корнеева, изучая крымскую поэзию, обнаруживает небывалую особенность: Крымские сонеты наполнены именно местным звучанием.

Отдавая должное классическим «горним» темам, авторы наполняют строки неизменными местными мотивами. Причем, делают это мастерски, ничуть не уничижая формы, не ломая структуры и самой сути сонета, как жанра. Особенно ярко это проявляется в венках. Очевидно, что последовательность, в которой собраны венки сонетов, отнюдь не случайна.

Обратите внимание, какими чертами здесь преломляется Вселенская философия Максимилиана Волошина:

*Седая зыбь в алмазы раздробит
Сноп лучей, рассыпанные в море,
Но тех ночей – развёрстых на Фаворе,
Блеск близких солнц в душе не победит.*

И далее следует венок сонетов Ильи Сельвинского, который уже сочетает в себе ощущение эпохальности и места рождения:

*Как я люблю тебя, моя Таврида!
Но крымец я. Элладе не в обиду
Я чую зов эпохи молодой.*

Еще более «привязывает» нас именно к Крымскому побережью Иван Пузанов. Его венок «Крым» – чудесная песня многоликому великолепию полуострова. Здесь сплетаются история и природа. В этом венке удивительно вольно дышится читателю.

*Степных просторов беспредельный взмах;
Струится даль в волнах фата-морганы,
Устало выются ковыля султаны,
Невесть куда бежит широкий шлях.*

А далее следуют венок Дмитрия Тарасенко и Рыковский «Вкус винограда», Репинский «Феодосийский венок» и посвящение «Городу Керчи» Васильева-Пальма, и, наконец, блистательные «Минареты» Валерия Митрохина. Всё это – бесконечное погружение в крымский дух, крымскую историю, в крымскую общность.

Сплетая Венок Венков, Корнеева подводит нас к мысли о том, что Крым в жизни поэта – явление знаковое, судьбоносное, постоянно влияющее на его творчество. Поэтому венок Владимира Докшина «Родиться в этом карантине времени...» воспринимается почти ожидаемыми выводами. Родившись в Крыму, ты навеки пронизан Его солнцем, Его морем, Его миром.

*С землёю этой крымской сросся сердцем
И пью вздох её волшебный сок –
Большой сонаты крошечное скерцо,
Большого поля тонкий колосок.*

А связь с Крымом – предопределение судьбы:

*В том вижу я и счастье, и участие
Сил Вышних, в том я вижу план Творца,
Что котласскую древнюю династию
Обогатила кровь Череповца.*

Венки Олеси Ольгерд и Марка Луцкого, посвященные Волошину служат вектором, замыкающим эту блистательную подборку.

Корнеева как бы констатирует: где бы вы ни были, как бы ни распорядились своей жизнью, Крым останется в вас навсегда. Он неизбежно станет не просто частью, но мерилем всего вашего творчества.

Крым геопозитичен! Ибо в этом ПРОСТРАНСТВЕ творится ВРЕМЯ.

Обратите внимание на то, каким изумительным языком написаны сами книги. Очевидно, что Людмила Николаевна, будучи поэтом, ценит Слово и умеет с ним работать. Стихи не только собраны в уникальную коллекцию, но и изучены, и описаны с точки зрения литературоведческой. Осмысливать чужое творчество – непростое дело. Изучить творчество десятков авторов, их жизнь и замыслы в литературе с позиций историографии – тяжелейшая задача, на решение которой уходят годы.

Корнеева погружает нас в поэзию Крымского сонета с нескрываемой любовью к предмету, и мы охотно проходим с ней все исторические круги мировой литературы, приближаясь к пониманию поэзии нынешних дней. И,

как венец достижения автора, в конце пути постигаем суть Крымского сонета, который не боится времени и современного слога, не боится, вольно пролетев по ковыльной крымской степи, взметнуться мыслью над миром и возвратиться к тихому приморскому причалу.

Я поздравляю всех нас с обретением столь значимого труда, как для Крыма, так и для всей литературы в целом!

Татьяна Кошемчук

О книге Людмилы Корнеевой: третье отражение

Книга, которая сделана внешне привлекательно, и читается особенным образом: забота автора сказывается здесь, и глаз читателя сразу ощущает это. Двухтомник Людмилы Корнеевой именно таков: продуманность каждого элемента формы провоцирует мысль воспринимающего, и я следую за оттенками светло-темной обложки с ее основными тематическими обозначениями, прежде всего: Крым и венки сонетов – и далее яркими, необщими словами: крымское – *предстояние*, сонет – *в огранке*... Слова эти еще до их осмысления звучат для слуха как – точные и интригующие, здесь прямое попадание и многосмысленность: ангел Богу *предстоит*... Предстоять – значит служить благоговейно, созерцать собранно, интенсивно, в длительности внутреннего непрерывного *стояния* и преклонения. Так и нечто земное, некая сущность – разумеется сущность как личность, а не как отвлеченность, то есть в данном случае: живая органическая идея поэтической формы, венка сонетов (речь пойдет об одном из томов двухтомника), служит идее личностной более высокой.

Идея Крыма, как любая идея в своей предельной понятости, есть монада, реальное духовное существо, в данном случае – это гений места, ДУХ КРЫМА. По Штейнеру, духи разных стран, Архангелы по иерархическому статусу, есть водители земных территорий, на которых расцветают культуры, в соответствии с посланным импульсом. Однако наделены ими не все страны (нет своего Архангела, например, у Швейцарии), но лишь обладающие явно выраженным духовно-культурным целостным своеобразием... оно и есть проявление деятельности этих высоких существ. Русский Архангел – существо могущественное, устремленное в будущее мира, и вспомним: Архангел России заговорил однажды голосом Волошина... Его же голосом – прежде – говорил и Дух-водитель Крыма. Поэт есть лучший музыкальный инструмент, если он чутко предоставляет себя воздействию посланных инспираций.

В книге Людмилы Корнеевой, отобраны 14 венков сонетов тех авторов, которые, думается, смогли стать выразителями этого голоса, у которых сильна и глубока кармическая связь (иной она не может быть) с Духом Крыма. Их произведения отобраны автором книги с удивительной чуткостью по принципу избирательного сродства, и эти 14 венков действительно, в соответствии с намерением автора, образовали некое ощущаемое единство.

Здесь, как и сонеты в венке (о чем пишет Людмила Корнеева), не просто сумма слагаемых, но нечто большее.

Это большее может быть осмыслено только единством высшего рода: если итальянский сонет был создан в результате удара инспирации – и сразу и безошибочно был принят в кругу поэтов как особая форма, то венку сонетов пришлось создавать и отстаивать себя как циклическую форму: усилиями больших поэтов, выковывая земную плоть и форму для самого себя. В русской стихии венок сонетов воззвал для себя Волошина и Иванова, причем одновременно. Дух, обретая плоть и проходя через ряд своих воплощений, возрастает и совершенствуется, будь то дух человека или поэтической формы, – так и венки в русской традиции: первые десятилетия его бытия утвердили, усилиями лучших поэтов, связь духа этой формы с русской душой, и далеко не случайно огромное, просто невероятное количество венков сонетов было создано в 20 столетии в русской литературе. В этом можно усмотреть стремление русской души к дисциплине формы, столь недостающей ей на стадии ее молодости, – здесь симптом взросления духа и его самообуздания.

Отбор из всех венков крымской темы сделан Людмилой Корнеевой не просто с тонким вкусом и разнообразной отзывчивостью (венки в их самобытности чрезвычайно, до удивления разные!), но ее творческое осмысление огромного подлежащего материала было влекомо, думается, импульсом ПОЗНАНИЯ. Не лирические излияния, не чувства и коллизии отношений на фоне крымских пейзажей, но познавательная интенция поэта в отношении Духа Крыма – этот критерий явно обозначен в книге Людмилы Корнеевой. Чем еще, как не санкцией Крымского Духа, с его огромным властительным обаянием для русских душ, могут быть соположены изысканные и совершенные произведения поэтов, каждый дающий свою географическую грань и особый ракурс постижения Крыма? Причем начальный волошинский венок, задавший высокую планку, не был постыжен своими соседями... Как-то хочется признать ощущаемое сквозь книгу Людмилы Корнеевой – со всей ясностью: у Крыма ведущий его Дух, высокое духовное существо, творит не только земное крымское пространство, его геологию и географию в течение тысяч и тысяч лет, но в сфере культурных свершений и этот поэтический поток последних столетий, когда Дух обретает плоть и голос через поэтические творения, осознавая самого себя. Познавательная квинтэссенция этого процесса самопознания Духа представлена в книге.

...Дух Крыма не стоит на одном иерархическом уровне с духами основных культур текущей эпохи, ведомых своими Архангелами. Здесь речь идет о факте крымской культуры... И можно размышлять о том, опираясь лишь на симптомы: культурные импульсы его существенны, ими творится весь крымский текст в литературе. И само понятие Крымский ТЕКСТ мыслимо только в такой ситуации: у ТЕКСТА есть свой АВТОР. Текст не сумма фрагментов, но целое со сложной композицией, созидаемое из одного духа.

Внушениями этого же ведущего Существа и его имагинациями пронизаны живописные отражения, пейзажи Крыма – своего рода портреты его. Но до уровня культурно-стилевой и духовной целостности все же этот феномен не достигает. Нельзя говорить о *крымской культуре*, как мы говорим о русской или немецкой. Но это и не областной локус внутри культурной целостности.

И надо признать: крымское культурное пространство все же периферийный феномен, задворки мировой истории, самый край средиземноморского мира – отголосок его, малый мир. Но и в малой форме можно творить шедевры. Думается такова ситуация Крымского Духа в создании малого мира, созвучного макромиру Средиземноморья во всех его географических чертах и культурных свершениях. Здесь не творится новое, но проживается уже ставшее, в его разнообразии, и здесь Россия приобщается к большому миру культуры, здесь получает и связь с величайшим импульсом истории – с христианством. Достижение и великое своеобразие этого малого шедевра – интенсивность, сгущенность, собранность – в череде культурных импульсов и в рядоположенности ландшафтов в тонкостях их переходов. Здесь собрана коллекция самых разных (это давно замечено) пространств: степей и гор, пустынь и цветущих тропиков, даже имеется свой вулкан – и какой! И все географические шедевры в творчестве Духа Крыма – этого Гения в прямом, художественном смысле слова, прочно отстояны в духовно-культурных сферах.

Интенсивны воздействия этого Духа для русских душ, особенно неотразимы они для поэтов, художников и для нас, читателей, путешественников и созерцателей, тоже движимых идеей ПОЗНАНИЯ, – и лишь при этом условии возникает созвучие автора книги, ее героев и ее читателей. Эти воздействия Духа Крыма в душе читателя отражаются прежде всего как ЧУВСТВА к Крыму в душе каждого постигающего крымские просторы как некую особость – и думается, что подобные чувства необманны как симптом плодотворной деятельности творящего Существа. А книга Людмилы Корнеевой возводит это непосредственно данное в чувстве – к осознанию в созвучном путешествии. И читатель вместе с автором книги – от венка к венку – движется к постижению этого Духа... Когда мы так говорим, – хочется еще раз подчеркнуть это, – то оставляем невольную подчас, постатеистическую склонность понимать общо: дух как просто смысл, даже характер. Нет, нужно повторить: здесь речь именно о духовном существе, его личный характер – духовное «Я» воплощено в крымском целом – в этом изолированном от остального мира ландшафте, лишь тонкой нитью перешейка связанного с русской безбрежностью, во всех его деталях, в *складках гор и выгибах холмов*; его становление и личностная история есть и вся история Крыма, творимая через людей. Так, наши современники Сергей Прокофьев и Геннадий Пархоменко размышляя о волошинском Коктебеле и – о профиле Волошина на Карадаге, не фигурально, а реально говорят о том, что дух Волошина в своем преджизненном космическом творчестве созидал эти горные формы (как и мы все участвовали в этом творчестве) – не зря и

Микельанджело мечтал здесь, на земле, творить не статуи, а ландшафты! Он желал того, что он же сам делал из сверхчувственного в земной геологии и географии, но до земной жизни. Волошин же оставил и знак – в чертах земли, для себя же... Ничем иначе не объяснить это действительное, несравненное чудо, волошинский профиль! ...чтобы в беспмятстве земного воплощения души узнать, удивиться – и убедиться: это ИМ было сделано, ДЛЯ СЕБЯ, чтобы без сомнения принять свою жизненную миссию и судьбу – служить ЗДЕСЬ и этому Духу, и духу России – с обоими связь Волошина имеет характер дожизненной предопределенности.

Как и для нас – поэты, отобранные Людмилой Кореевой, обретают нечто подобное здесь в чувстве: Я БОЛЬШЕ НЕ БРОДЯГА. НАЙДЕНО. ЭТО – МОЁ. Странствующий дух узнает свое предназначенное, как удивительно сказал это один из поэтов книги – в его словах душа поэта опознает – Крым и стремится ПОЗНАТЬ эту странную связь. Или говоря о воздействиях на тех, кто способен к подобным восприятиям: Людмила Корнеева формулирует эти ощутимые для поэтов инспирации как *излучения пространства*, как *таинства геопэтики и причастности к ней* избранных поэтов. Да, именно об этом: геопэтика как таковая мыслима лишь, если за ней стоит инспирирующий ее Гений Места, личностно действующий на личность поэта.

Постижение же возможно разными путями: в гностических проникновениях, в мистических созерцаниях, в поэтических сновидческих образах, в разумных отражениях, и всякий раз потребна форма, низший вспомогательный дух, служащий более возвышенному и всеобъемлющему. Книга Людмилы Корнеевой показывает: венки сонетов стали продуктивной формой для воплощения крымского Духа. Воплощения в буквальном смысле этого слова: поэт, нацеленный на постижение этого таинственного Духа, творит ему плоть в слове, как художник в красках. Венок сонетов для поэта становится верным инструментом – тем духом формы, который ваяет слова в совершенную плоть для духа. Один дух предстает другому, верно служит ему, собой выговаривая то, что просится к выражению и осуществлению в другом, высшем... таков подтекст найденного в заглавие книги слова Людмилы Корнеевой. И существенный нюанс этого свершения: русская своеобразная проработка названной европейской формы, венка сонетов; как ювелир гранит драгоценный камень, так русская душа обрабатывает в соответствии со своими чертами, эту изысканную форму, подчиняет ее поставленной задаче — познанию и выражению постигнутого в строгом порядке, в ряде ступеней, так что венчающая каждый сонет строка, то есть его кульминация, становится отправной точкой для движения мысли следующего сонета, и в непрестанном нарастании, в развороте целой концепции движется поэтическая идея. В центре каждой венкосонетной концепции и над ней – ДУХ Крыма и связь с ним души поэта.

Но еще ДО этого восхождения, до *познавательного* путешествия вместе с автором от ступени к ступени по граням этого стройного целого, когда я

всматриваюсь в черты книги, во мне, читателе, в то время как я пытаюсь низвести в слова всю многосмысленность названия книги в связи с целым ее, с ее ИДЕЕЙ – неотразимо уже звучит начальная тема, задающая тональность всему сочинению, поволенная автором... Светло-темная обложка, светлый раскрывающийся цветок, *роза* мысли, в *огранке* тонкой паутины тонких смыслов, которая повторится вскоре усиленной словами поэта об *уделе цветка*, о кратковременности благоухания земной мысли. И нам предстоит насладиться ее дыханием в ее краткий миг. Таков будет эфирный ореол мысли этой книги... Светло-темность земных познаний задана и двуцветной же фотографией над посвящением: на ней светлый в полутьме и второй – затененный, отраженный, – два лика МАРИНЫ, к которой обращена книга. Выхваченный как будто случайно ярким лучом светлый лик словно смотрит в ту невозможную на земле *очевидность высоких смыслов*, откуда посылаются поэтам и исследователям их постижений единственно нужные интуиции, безумные и точные слова. «Отзовись!» – обращенный бесконечно печальный зов не остается в книге без ответа: думается, автор хорошо знает те незабвенные минуты и часы, когда книга пишется сама, без усилий, набело, без помарок, как стихи в *сожженную тетрадь*, когда усилие души лишь в настрое на нужную волну. Такие часы посылаются, и не в нас, пишущих, их исток.

И книга несет следы этих даров из мира, где *очевидны высокие смыслы*, на десятках и десятках вдохновенных ее страниц, пронизанных любовью, струящейся в ту таинственную мглу, откуда нисходят озарения поэтов и откуда ответный свет любви падает, направляемый автором книги на все познаваемое – на крымский мир, на творения поэтов, пишущих об этом шедевре духа, на наблюдения и прозрения филологов, размышляющих о написанном поэтами. Мысль автора книги охватывает все предлежащее ей с неустанной благожелательностью, с тонкой внимательностью, создавая тот чрезвычайно притягательный светлый настрой, который обогащает каждого читателя.

Книга богата серьезными филологическими штудиями, обобщениями того, что сказано филологами-предшественниками и современниками, причем доброжелательное внимание к чужим трудам и проникновениям выявляет и подчеркивает их достоинства, предлагает читателям эти дары исследовательских достижений в очищенном и усиленном виде. И не только обобщение чужого. В книге Людмилы Корнеевой демонстрируется и настоящее искусство филологической аргументации, когда последовательно и веско, шаг за шагом, безупречно движется мысль к своему обоснованию, например, в таком неочевидном для меня изначально тезисе, как киммерийская укорененность, *заземленность* духовных порывов в космические дали – в венке сонетов Максимилиана Волошина «Corona Astralis».

С такой книгой, как эта, можно вместе размышлять – именно так: она выпадает из моих рук, потому что возбужденная ею мысль, оттолкнувшись

от задевшего нюанса мысли или от выраженного чувства – более, от пронзительно названной данности, уже сама движется в предложенном русле... и вновь возвращается к течению авторского размышления, порой продолжая его. Вот: *онтологическая тоска*, которую особенно остро провоцирует Крым и которая отражается в крымском тексте. Конечно! Это веяние Крымского Духа, его первое прикосновение – в мире, столь насыщенном смыслами, пока еще неочевидными, но высокими. Тоска по сущности – это не душевная тоска, которая разливается по нашим необъятным русским равнинам (как песня ямщика) и по туманным далям, но в сгущенном крымском пространстве, в интенсивном его заполнении Гением места – творящий Дух одарил эту землю всеми чудесами географии и всем многообразием исторических цивилизационных аллюзий, воззвал к причастности, пусть боковой, не в эпицентре импульса, к каждому этапу истории. Каждого он вовлекает в свою сферу своими приманками и ловушками, и мы отзываемся на что-то свое: Я БОЛЬШЕ НЕ БРОДЯГА, ЭТО – МОЁ.

Попадая в этот напряженный воздух, со всем в нем аккумулированным, душа вибрирует в ответ, в ней звучит тоска *всех стран и всех времен* – и близость сгущенных *высоких смыслов* и тоска понимания их охватывает ее. Увы... осуществления этой тоски, только и удовлетворившего бы наш дух, здесь нам не дано, но там, где *высь смыслов прозрачна*... именно туда влекут нас крымские дали, пробуждая в душах то, о чем мы не могли и догадываться до того прекрасного мгновения, когда мы беремся за перо, то есть когда клавиатура компьютера воссоздает на экране то, чего авторами мы не являемся. Так и над поэтами веет Крымский Дух, и послушно строки складываются в венкосонетную форму, сложнейшую из всех – форму самосознания и познания. Ибо строгая форма с целым рядом законов, живущих в сознании поэта, подчиняет себе поэтическое переживание, структурирует его по законам сонетной композиции, и *рамки канона дрожат*, по-волошински, от напора и напряжения внутренних творческих сил.

Эти творящие силы, в каждом венке сонетов прослеживаемые автором книги, столь ощутимы, что для меня, читателя, истинное наслаждение читать сначала текст Людмилы Корнеевой о венке, ранее мне не знакомом, о разных его линиях и темах, которые прочерчиваются в статье о нем, а затем – сам венок, с заданием: насколько встает он из уже прочитанного о нем, и нет ли чего-то существенного пропущенного... и каждый раз я убеждаюсь, что да, это то самое произведение, которое вставало из проникновенного текста Людмилы Корнеевой! Причем всякий раз поражает разнообразие венков самих – и выделенных в них основных интуиций: будь то многогранность панорамного охвата Крыма, или бытийный вкус виноградной лозы, соединяющий с миром, или личное обретение Крыма как эпицентра судьбы, или историческая, уводящая в глубины прошлого имажинация. Или же личная тема судьбы, обоснованности теперешней крымской инкарнации.

И особенно близка мне всякий раз в каждой главе книги чуткость автора к духовной или мистической составляющей, очевидной в волошинском венке, явленной в венках советского времени как подтекст, осторожно или в невольном поэтическом взлете выговариваемой. Так это и у поэтов постсоветских, в творчестве размыкающих навязанные мировоззренческие грани и обретающих свободу духовного чувства к миру, но все осторожных и знающих чувство меры и вкус в мистических и мыслительных постижениях, – именно эти черты, вероятно, служили отбору венков в книгу. Подобные чувства к миру и интенции души умеет тонко схватывать и высвобождать в тексте венков Людмила Корнеева, и ценно в книге это внимание к малейшим проявлениям духовного, спровоцированного Духом Крыма, без *видимых знаков религиозности*, но с глубинным чувством связи с высшим. Отсюда и акцентируемые автором книги в представляемых венках сонетов – *учительные смыслы* природы и истории, глубокие реакции на драматизм общественной и политической грани бытия, русская жажда *праведного мироустройства* и православные тона молитвенных порывов.

Порой звучат в исследовании автора книги неожиданной глубокой нотой – акцентируемые ею у поэтов проговорки гностических смыслов: *Эфир таит созвучья голосов...* – когда отмечается чуткость поэта на грани со сверхчувственными восприятиями: он в мировом эфире, именно в эфирном звуковом и звучащем царстве внимает голосам прошлого, вряд ли придавая своему невольному гнозису такое значение – как, например, свое угадывание о сохраненности в настоящем эфирных сил прорастания: так трава хранит *стук первого дождя...* Так же и ярость битв и стоны погибающих отпечатались в природном мире, вопреки тютчевскому: *природа знает не знает о былом...* Нет, у поэта не *равнодушие вечной природы* к человеку, но вибрирующие в ней *отголоски* человеческих трагедий, все еще *витающих* здесь, в облаках и в ветре. Это особенная тема: мистические прозрения поэтов, не подозревающих о своем мистическом даре.

И я в этот раз выбираю иной путь: читаю сам венок о Керкинитиде, а потом тщательно ищу в написанном Людмилой Корнеевой соответствия моему прочтению: самое поразительное в этом сонетном венке – этот опыт поэта на самой грани со сверхчувственным восприятием: он через прикосновение к старым камням ощущает звуки, роящиеся в пространстве, звуки битвы в античном городе, и все это явственно, как будто поэт читает это запечатленное в природном мире давно свершившееся, когда он сам, разумеется, сам, в своей прежней жизни стоял здесь, защищая эти стены и этот город... Звучания из прошлого встают столь ярко, что слово поэта доносит их, они передается читателю. Как и его прогулка по своему прежнему античному городу, в который он возвращается неузнанным – не невидимым, но именно неузнанным... Этот город встает эфирным видением в острой реальности вплоть до деталей – и вновь погружается во мглу и покой небытия. *Коснусь камней – и вдруг мороз по коже...* – этот удивительный по подлинности симптом отмечен поэтом, а также: звучащий

долгий след, который *слабо бьется в уши...* Верные признаки эфирного прикосновения.

И вот в передаче Людмилы Корнеевой я ищу совпадения. И нахожу! Но прежде: ее вопрос, *почему именно этот античный короткий период так задел поэта?* Версии ответов не столь невероятны, как тот, что мною изложен выше. Но далее почти о том же: *поэт вступает в интимную связь с существом конкретных событий... однажды воображение поэта взорвалось осознанием своей связи с античной древностью города...* Да! однажды имагинация как реальная картина минувшего крымского встала в сознании поэта – так возможно проникновение в *пространство незримых смыслов*, оно и провоцирует такую поэзию.. Поэту доступно нечто *незримое* – читаем мы далее в этой главе книги, – и это *не выплеск лирического наваждения, а глубоко пережитое знание поэта*. Наконец, ключевая строка поэта: *Эфир таит созвучья голосов...* – рождает такой комментарий: *здесь не просто вживание в историю, но восприятие тонких эфирных вибраций, несущих и сохраняющих все трепеты былого и теперешнего бытия*. А читая у поэта о его собственной *планиде*, узор которой сплетается ветром времен, – автор книги комментирует: *поэт чувствует себя погруженным в эту страшную насыщенность пространства... он несет как груз и переживает все это...* Конечно, трезвый разум автора книги пытается объяснить происходящее и вполне ясно: *здесь сплав знания, воображения и поэтического опыта* в передаче любви к городу... Но все это вместе не вызовет *мороза на коже*. Здесь разверзается плотный мир ценой инспирации здешнего Духа, творца и вдохновителя поэтов, который, как может читатель многократно убедиться в книге, оставляет яркие следы своих воздействий на души поэтов и исследователей – и прежде всего в душе автора книги, ПОЭТА и ИССЛЕДОВАТЕЛЯ, даже если трезвый разум современных филологов апеллирует для осмысления таинственного опыта к таким теневым категориям, как *воображение поэта, архетипы*, и к метафорической *памяти пространства*.

И еще одну линию, выделенную в венках Людмилой Корнеевой, можно отметить как не вполне объяснимую рационально: это то, о чем, скорее всего, не подозревали поэты, давшие свое постижение Крыма – в совпадениях, созвучиях и пересечениях с... поэтом 18 века Семеном Бобровым, за знакомство с которым моя особая благодарность автору книги и предшествующих публикаций о нем. Казалось бы, что может быть проще этих тем: море, горы, виноград, история, битвы... все это простые факты крымской реальности – и все поэты говорят о том. Но здесь дело не в *что*, а в *как*. В общей тональности интенсивных восхищений и воспарений мысли. И вновь *Дух всюду суций и единый*, державинский, из того же 18 века, встает над современными крымскими поэтическими отражениями.

В заключение о заключении. О последней части книги, которая достойно венчает предпринятый ее автором опыт *медленного, неспешного, проникновенного чтения*, – и читательский опыт прослеженного

путешествия по поэтически воссозданному и познанному Крыму. Заключение Людмилы Корнеевой весомое, подводящее лаконичные и сгущенные итоги этого молитвенного *предстояния* – автор книги именно здесь раскрывает здесь свое взятие этого образа: защищающая и покрывающая молитва поэта за ту сущность, о которой он пишет, за Крым. И основной пафос автора книги, как и во всем ее тексте, здесь усиленно подчеркнутый, – в *онтологическом*, бытийном, содержании Крымского текста, к которому, точнее к неназываемому АВТОРУ которого стремится дух автора книги, как и, осознанно или нет, ее героев-поэтов. А также и читателей книги, к пониманию которых устремлена книга, к читателям, пребывающим здесь и имеющим еще время для созерцания земной крымской плоти и для разгадывания Духа, ее творящего, – и уже там, где *очевидна смыслов высь*. Уважаемый читатель этого моего – в третьем отражении – сочинения, Вы помните, конечно, булгаковское, им самим чаемое для себя, и в том мое упование: *Вашу книгу прочитали...* К счастью, *она не окончена*.

Вера Подковырова

Киммерия – видимый град Китеж

Пространственно далекий Крым всегда живет внутри, потому что Киммерийские сонеты составляют важную часть моих представлений о мире. Родившая их древняя земля в какой-то момент улеглась камушком в основание моего Дома-мира, где пытаются царить красота, свет и любовь. Где гармоничность ритма и стройность благодарно откликаются на совершенство встречающейся формы, в том числе и сонетной. Постигание ее требует погружения, вникания, времени. В большом старом книжном шкафу в моей квартире на Васильевском острове в Петербурге стоят ровными рядами черные тома БСЭ. Когда я училась в школе, не проходило недели, чтобы мне или кому-нибудь из родных не звонили, с просьбой посмотреть что-то в этом «одиозном» универсальном справочнике. Наше время, давшее возможность обходиться без таких изданий, предоставило доступ к любой информации в течении доли секунды и смоделировало для нас в блогах, аккаунтах, играх бесконечное количество уже заготовленных «живых» миров – выбирай и пользуйся... Только по тонко выстроенным, на первый взгляд не заметным, но жестким правилам. Они и сейчас не дают нам собраться в реальности и позволяют пообщаться лишь в ими заданном формате.

Но предложенная для обсуждения тема не оставляет вариантов – общаться хочется. Потому что с темой приходит и встает на первый план потерянный мной в последние годы, но очень дорогой и необходимый мир. Поэтическая Киммерия, один из вариантов многочисленных придуманных и созданных серебряным веком пространств, выстроенных по воле мастера-творца. И не одного его, а еще и собравшегося вокруг стройного хора строящих жизнь, наполненную созиданием счастья. Много их было в начале XX века, таких

«рукотворных» пространств. Только в городских квартирах и уютных усадьбах, обеспеченные серьезной финансовой поддержкой, мирки эти без материальной поддержки растворились очень быстро, став просто одной из страниц истории культуры.

Не так Киммерия. Ее «природные данные», масштабы, уходящие глубоко в историю и человеческую, и геологическую корни не дали превратиться в буквы созданной творчеством, мыслями и мечтами реальности. Сонет стал, далеко не в первый для себя раз, одной из форм жизни этой воплотившейся утопии. Его твердость и мудрость, сплетенные для увековечивания творения мастера в еще более жесткий венок сонетов, представили множество граней чудесного пространства.

Но, существующая в напечатанных книгах, написанных картинах и наших душах изумительной красоты страна, где каждая деталь наполнена глубинными смыслами и прекрасна, должна обнаруживать свое существование новыми материализовавшимися формами. Именно ими стали две появившиеся книги Людмилы Корнеевой. Когда ты заходишь в любимый дом, где незнакомые люди наводили порядок, всегда очень боишься, что что-то выкинули, принесли ненужное, но главное – уничтожили дух места. Я редко поэтому читаю книги о сонетах и Венках – есть свои представления, и по недостатку времени больше хочется общаться с самими поэтами. В прочитанных изданиях позиция автора не раздражает. Даже если ты в чем-то не согласен, искренность отношения к текстам, пронизанный любовью подход к их интерпретации и, главное, способность многомерного и вневременного восприятия самого Крыма и его отражения в поэтических образах, рождает желание прочесть все, что написал автор.

Наравне с текстом автора живут в книгах тексты поэтические. Часть из них мне не была известна. Все вместе они (особенно для меня в случае венков сонетов) создают единый многогранный образ все той же любимой Киммерии. Новые тексты тематически и непосредственно текстологически связаны с ранее написанными, реминисценции при чтении стихов подряд становятся прозрачными. Ощутимо восстанавливается связь времен. Мир поэзии минувших лет, бережно протертый руками автора, как будто освещается новым светом: лучи восходящего солнца окрашивают море, горы, блики искрятся в морской ряби, солнце поднимается выше и свет выплескивается на земли за горами... Мир сияет и оживает. Карадаг шевелится, море пытается отнять у меня понравившиеся камушки, но при этом так дивно шепчет свою мелодию, что я прощаю его... И рада вторить поэту, который согласен, что именно здесь, в Киммерии, хочется остаться душой, оставив свое бродяжничество тем, кто не видел, а если видел, то не понял этой небольшой части суши и моря... Максимилиан Александрович все-таки и для себя, и для других изгнанников, скитальцев и поэтов нашел это неземное пространство на Земле, влил и воплотил его в сонетах и подарил всем нам.

Как и ровные ряды любимых мной книг из старого книжного шкафа, сонеты сами по себе своей строгой формой сохраняют канон, порядок. И его конечный смысл непостижим для нашего ума, но открыт сердцу и душе. В сонетах о Киммерии завораживающая красота реального мира и живого человеческого слова побеждают виртуальные системы, так как раскрывают нечто, им совершенно недоступное. Но по неизъяснимой полноте самое важное для живого человека. Киммерия неправдоподобно вмещает в себя столько всего, что ее хватит еще на много-много поколений поэтов. И пусть они пишут новые сонеты и венки. Будем ждать...

PS. Прошу у Вас, дорогая Людмила, прощение за небольшой размер высказывания. Это все, что я пока могу себе позволить... Работать надо еще больше, чем до карантина... Долгов как воды в море... За книги (книгу о венке прочла практически целиком) низко кланяюсь. Жалею, что жизнь одна и нельзя ее полностью отдать венку и сонету.

Светлана Голикова

Читая литературоведческие исследования Людмилы Корнеевой, я отмечаю как драгоценную их особенность высокого накала крымоцентристский пафос, берущий начало в случившейся когда-то очарованности этим богоданным пространством.

При безусловной научности трудов судакского автора подкупает их нацеленность на диалог, осознанная миссия учительства и просветительства, рождающая интонацию вольной беседы о вещах заразительно интересных и животрепещуще важных. Открываешь любую книгу Людмилы Николаевны – и пускаешься вместе с нею в плаванье вдоль береговой линии легендарного полуострова, воспетого великими и знаменитыми творцами, а теперь уже – и ею, крымским литератором и литературоведом.

Не стал исключением и двухтомник о крымской сонетиане.

Восхищение безупречностью формы 14-строчника и внимание к особой плотности сонетного вещества привели пытливый ум в лабиринт загадок формотворчества, уводя вглубь и ввысь, к новым отсекам смысла.

Сама искусный сонетист, Людмила Корнеева соединяет с мыслью о Крыме тему сонетостроения как акта самопознания.

Грандиозна миссия, инспирированная подобной великой задачей. Кропотливое постижение крымского универсума и проникновение в историческую прапамять Тавриды гармонично соотносятся с убежденностью автора в парадигме божественного целеполагания истории.

Наш автор дал рассматриваемой библиотечной серии замечательное название «СОНЕТ: в блеске русской огранки». Это точное определение является ключом к программе-максимум Корнеевой, которую хочется наградить титулом «гранильных дел мастерица».

Активное противоборство с деструкцией, «космизация хаотического», неиссякаемость энергии, с которой бытие упорядочивает себя в противостоянии небытию, — тема, заветная для идеологов ноосферогенетической школы, с которой соотносит себя исследовательница.

Поразительно заботливое внимание, которым автор буквально окутывает «фигурантов» своей диалогии, — поэтов, разноплановых как по стилю, так и по степени «звёздности»: для крымчанки Людмилы Корнеевой принципиально важно пестовать Крымом порождённые опусы.

Нетленность традиционных жанров не без основания сейчас оспаривается, а вокруг актуальности твёрдых форм ведётся полемика.

Наблюдения нынче модно утрамбовывать в недорифмованные порошки и пирожки (среди которых, возможно, есть свои шедевры), и канон венкосонетный иными воспринимается чуть ли не как ветхозаветный.

Старомодность сонета нашим автором категорически отрицается.

Сонет, доказывает исследовательница, это не только кузница мастерства, способ мышления, интеллектуальный ринг, но и аналог жизненно важных психофизических процессов. Прочитавшие труд Корнеевой не могут больше в этом сомневаться.

Особую прелесть книге сообщает стиль.

На каждой странице двухтомника встречаем мысли, облечённые в изящные и точные словесные оболочки.

Не откажу себе в удовольствии привести хотя бы несколько образцов самобытного слога.

«автор сонета каким-то особым поэтическим жестом, похожим на тютчевский, совлёк "златотканый покров" с созерцаемой крымской картины»;

«главный сомелье Крыма своим венком сонетов открывает воистину букетобразующий вкус вина и винограда»;

«семиосфера поэзии Микушевича столь сложна, что входит в любое его произведение необходимо со специальным, микушевичским настроем»;

«никогда не сидел на мели пустого поэтического гладкозвучия»;

«Мысль поэта пребывает в некоем познавательном экстазе».

И многое другое.

Эти отысканные в родном языке словесные перлы, также как и демонстрация богатого синонимического ряда и привольный бег синтаксиса, тешат слух филолога-гурмана, превращая чтение в эстетический кайф.

Праздничное звучание многоголосного хора, руководимого опытным дирижёром, — вот сонористическая аналогия книгам о крымских сонетах.

Ещё о музыкальных аллюзиях Венка.

Автор, вслед за литературоведом Ингой Никитиной, уподобляет Магистрал Увертюре (но только не в симфонии, а в сюите?)

Рискну предложить ещё одно сравнение: сонетный магистрал, чреватый исторжением из своего лона 14-и полновесных «отпрысков», может быть

сравним с додекафонной серией из 12 звуков, образующих «генофонд» будущего музыкального сочинения

*

Побуждает задуматься эпиграф к дилогии, первая строчка из стихотворения Боратынского:

О мысль! Тебе удел цветка...

Изображения розы – и в виде рисунка, и фотографией на обложке – не дадут усомниться, что автор настойчиво просит читателя не пройти мимо аллюзий на сокровища европейской розатеки, от алхимических флорилегиумов до шедевра мысли Даниила Андреева.

Мерцает в этом скрытом послании и надежда:

*А тут зерном своим падучим
Он зарождает новый цвет.*

Людмила Корнеева своими четырнадцатью книгами – уже созданными и теми, которые ещё будут написаны, – являет наглядное исполнение Замысла, мыслимого как Магистрал; и этот магистральный Путь, заданный свыше, есть восхождение к Главному Смыслу.

И да будет подвиг её предстояния **увенчан** наградой профессионального признания и непреходящей читательской любви.

Александр Люсый

В седой метели сонета

Благодарю за возможность принять участие в обсуждении двухтомника Людмилы Николаевны Корнеевой о крымском сонете – «Венок сонетов в крымском предстоянии» и «Крымские сонеты как геопозитический феномен. Из опыта медленного чтения» (обе – М-СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2019.). Степень моей довольно неожиданной в разных контекстах интегрированности в проблематику этих исследований вполне оправдывает такое участие.

В каком порядке стоит знакомиться читателю с этими книгами? Последовательность поступления книг ко мне и читательская логика выстраивает обозначенную выше последовательность (от жанрового времени к поэтическому пространству, от общего к частному, то есть, философски выражаясь, путь дедукции). Но вполне допустимо, что читатель перепутает карты этого крымского *сонетоведческого* пасьянса, и пойдет по встречному пути, займется индукцией. И на какой-либо символической вершине произойдет столь же неожиданная встреча двух путников, как это описывает Владимир Набоков в эссе «Хорошие писатели и хорошие читатели», которое мне довелось впервые переводить с английского на русский...

Подлинным открытием для меня стала ярко продемонстрированная в этих книгах дружеская встреча крымского пространства и жанра сонета, персонифицированная во встрече Пушкина (и, поверх него – крымского «первопоэта» Семена Боброва) и основателя жанра «крымских сонетов» Адама Мицкевича.

Собственно Бобров при этом сонеты как таковые не писал, но «Таврида, увиденная поэтом лицом к лицу, была воспринята им как *образ творческой игры природы и как богоизбранное место для духовного восхождения человека*». А это в какой-то мере уже сонетный настрой, некий предсонет по ассоциации с претекстом. «Предпринимая здесь это непростое, но увлекательное познавательное действие вокруг поэтического образа Крыма в венках сонетов, постараемся создать внутри нашей книги атмосферу широкого форума, созвучного привычным сферам познания современных читателей», – раскрывает автор сверхзадачу книги. Такая задача была успешно решена. Во всяком случае, я в диспут включаюсь.

Я освещал тему Бобров – Пушкин – Мицкевич в аспекте творческого *триалога* в главе «Пушкин – Мирза Мицкевича» книги «Пушкин. Таврида. Киммерия» (М.: Языки русской культуры, 2000). Не помню, знакома ли именно эта книга Людмиле Николаевне, среди множества иных обращений к моим текстам. В любом случае эта самая «детективная» глава давно (без моего участия) доступна в сети¹.

Видимо, в какой-то мере все же знакома: «В работах Люсого подробно прослеживается, как в крымском творчестве Боброва и Пушкина оформилась главная мифологема Крымского текста – восприятие Тавриды как Эллады и Востока; обозначено также чарующее усложнение Пушкиным романтического образа Крыма как вожделенного земного рая, впервые явленного в песнотворении Боброва. И этот образ почти на целое столетие заполнил мифопоэтическую атмосферу Крымского текста, что проявилось в последовательном пушкиноискательстве писателей и поэтов XIX века.

В русле этого понимания выдающееся произведение польского поэта Адама Мицкевича «Крымские сонеты» Люсый рассматривает как *оригинальное развитие пушкинско-бобровского ядра Крымского текста*».

Автор книги приводит примеры содержательных и идейных совпадения в текстах Боброва и Мицкевича, точно их резюмируя. Вот пример:

- «Но там, на лоне волн носясь,
Корабль, как лёгкая кора
Стократно черпает и пьёт
Закраинами горьку бездну;
Там отроки, цепляясь крепко,
Бегут то вниз, то вверх по вервям.
.....

¹ <http://www.krimoved-library.ru/books/pushkin-tavrida-kimmeriya5.html>

От ужасов таких ревущих,
Мне мнится, смерть сама б проснулась;
Но отроки сии отважны,
.....
Надеждой усыпленны в бурях.

• Душа! не содрогайся в буре!

.....
Се! здесь колена преклоня
И с томным содроганьем сердца
Лобзаю ризы твоя...

«Херсонида, или Картина лучшего летнего дня
в Херсонисе Таврическом», Песнь шестая

IV. БУРЯ

Прочь парус, в щепки кормило, рёв волн, шум вихря,
Крик безумной толпы, помп зловещие стоны,
Последний канат вырвался из рук матросов,
Солнце заходит, а с ним остаток надежды.

Вихрь завыл, торжествуя, на влажные горы,
Что возносятся глыбами из морской бездны,
Гений смерти вступил и на корабль поднялся,
Как штурмующий солдат в пробитые стены.

Кто лежит полумёртвый, кто заломил руки,
Кто прощается, падая друзьям в объятья,
Остальные смерть хотят отогнать молитвой.

Только один путник в стороне сидит молча,
Размышляя: счастлив тот, кто силы утратил,
Но молиться умеет, или есть с кем проститься.

А.Мицкевич, «БУРЯ», «Крымские сонеты»

Как видим, Мицкевич, буквально вторит драматическим картинам бобровской «Тавриды – Херсониды» и, максимально используя возможности сонета, концентрирует его идею обретения надежды в испытаниях через молитву: *“счастлив тот, кто ...молиться умеет, или есть с кем проститься”*».

В книге Людмилы Корнеевой достаточно подробно показана также взаимосвязь Мицкевича с Пушкиным, и в зарождении крымских сонетов («...польский поэт Адам Мицкевич, по воле судьбы оказавшийся связующим звеном между сонетными достижениями европейских романтиков и лирическими обретениями русской романтической поэзии о Крыме, *задал русскому сонету крымскую траекторию*»), и в их продвижении к русским читателям: «Пушкин дважды откликнулся непосредственно на “Крымские сонеты”. И хоть наш поэт к этому времени, “на путях <...> всё более углубляющегося постижения реального мира”, уже перерос односторонность байронического мировидения, его субъективно-лирическую стихию (общеизвестно пушкинское высказывание: “Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвернулся от них и погрузился в самого себя”), но оригинальным сонетам Мицкевича дал восторженную оценку, что запечатлелось позже в его стихах:

Под сенью гор Тавриды отдалённой
Певец Литвы в размер его стеснённый
Свои мечты мгновенно заключал.
«Сонет», 1830

Воображенью край священный
.....
Там пел Мицкевич вдохновенный
И, посреди прибрежных скал,
Свою Литву воспоминал.
«Отрывки из путешествия Онегина», 1830.

Однако я считаю нужным добавить в эту развернутую и как будто бы исчерпывающую картину, в порядке диспута, что одна из самых ярких сторон «Крымских сонетов» Мицкевича, которой Л.Корнеева пока не уделила внимание, и которая привносит в сонеты особую пульсацию, в контексте сложнейших обстоятельств путешествия Мицкевича в Крым, это дуализм/диалог Мирза — Пилигрим². Первоначально, в альбомной записи, путешественник из дальних стран не противостоял местному жителю Мирзе. Лишь позднее, уже в Москве, у поэта сложился взгляд на себя как на странника-пилигрима, идущего к высшей цели. В то же время можно отметить и сопоставить некоторые конкретные образные переключки в этом диалоге. И.М. Муравьев-Апостол в «Путешествии по Тавриде в 1820 году», настольной книге Мицкевича во время работы над «Крымскими сонетами», описывает эпизод своего пребывания в окрестностях Караимской Палестины

² Погудин А.Л. Адам Мицкевич, его жизнь и творчество. Т. 1. М., 1912. С. 365. Источник: <http://www.krimoved-library.ru/books/pushkin-tavrida-kimmeriya5.html>

Чуфут-Кале: «Мы пристали в доме почтенного здешнего помещика Мемен-Мурзы»³.

Но, скорее всего, Мицкевич имел в виду и Мурзу из вставной философской части описательной поэмы Семена Боброва «Таврида», где Мурза, правда, не поучает, а является учеником более умудренного паломника Шерифа. Установил же С.Фомичев, что Пушкин, полемизируя с «холодными сомнениями» Муравьева-Апостола в стихотворении «Чедаеву» (1824), целые строки заимствовал у не упомянутого там Боброва.

В то же время под образом Мирзы Мицкевича не может не укрываться – ... сам Пушкин, раньше него побывавший в Крыму, раньше добившийся расположения Собаньской, а позже художественно оспоривший валленродство последователя в поэме «Полтава» и ее героя Мазепе.

Людмила Корнеева не однажды, подробно и в развитии, показывает, что крымский сонет как сверхтекст, подразумевающий самоцитирование, возвращение к своему ядру, в той или иной мере возвращает нас к «Крымским сонетам» Мицкевича, как это происходит у следовавшего буквально по его следам Владимира Бенедиктова. Стихотворение «Между скал», где Бенедиктов открыто вступает в диалог с сонетом Мицкевича «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале», показывает, что наибольшее воодушевление постигает его, как и автора «Крымских сонетов», «над бездной роковой / средь диких стен» крымских гор.

В начале стихотворения Бенедиктов как будто детализирует, не изменяя тональности польского сонета, описанное в нём путешествие по горам:

Белело море млечной пеной.
Татарский конь по берегу мчал
Меня к обрывам страшных скал
Меж Симеисом и Лименой,
И вот – они передо мной
Ужасной высятся преградой;
На камне камень вековой;
Стена задвинута стеной;
<...>
Зияют челюсти громад;
Их ребра высунулись дико,
А там – под ними – вечный ад,
Где мрак – единственный владыко;
<...>
А между тем растут преграды,

³ *Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. М., 1823. С. 155. Источник: <http://www.krimoved-library.ru/books/pushkin-tavrida-kimmeriya5.html>

Всё жмутся к морю скал громады,
И поперёк путь узкий мой
Вдруг перехвачен: нет дороги!
Свернись, мой конь, ползи змеёй,
Стели раскидистые ноги,
Иль в камень их вонзай! ...

<...>

И по осколкам роковым,
В скалах, чрез их нависший купол,
Копытом чутким он своим
Дорогу верную нащупал.

«Между скал»

Столь откровенная текстуальная связь стихотворения с сонетом Мицкевича давала повод предвзятым критикам обвинить Бенедиктова в бездумном подражательстве. Но подозрения Бенедиктова в эпигонстве безосновательны, ибо очевидно, что космическая атмосфера крымских сонетов Мицкевича лишь заводит мысль русского поэта, но движется она по своей собственной траектории: в космогоническую глубь мироздания и даже, кажется, вступает в оригинальную полемику с лирическим героем крымских сонетов Мицкевича. Как мы уже убедились, у польского поэта крымское природное величие обостряет чувство одиночества и тоски по родине. Русского же поэта Крым, несущий на себе знаки божественного творческого акта, приводит в состояние метафизической эйфории и рождает в его сознании библейские ассоциации:

Здесь бог, когда живую власть
Свою твореньем он прославил,
Хаоса дремлющего часть
На память смертному оставил...

«Между скал»

Запечатлевая это своё переживание на высоте, доступной далеко не каждому сердцу, не к Мицкевичу ли обращается Бенедиктов с призывом, не боясь одиночества, освободить сердце от земных привязанностей, чтобы открыться «дивному свету» крымских «громад» и «бездн», что в поэтическом мире Бенедиктова равносильно общению наедине с богом:

Но, путник, ежели порою
В сей край обрывов и стремнин
Закинут будешь ты судьбою, –
Прочь от людей! Здесь будь один!

Беги сопутствующих круга,
Оставь избранницу любви,
Оставь наперсника и друга,
От сердца сердце оторви!
С священным трепетом ты внидешь
В сей новый мир, в сей дивный свет:
Громады, бездны ты увидишь,
Но нет земли и неба нет;
Благоговенье трисвятое
В тебя прольется с высоты,
И коль тогда здесь будут двое,
То будут только – бог и ты.

«Между скал»

Интересны наблюдения взаимодействий переводчика и автора в переложении «Крымских сонетов» у нашего современника Владимира Коробова. Как отмечает Л.Корнеева, переводчик удивительно созвучно передаёт тревожную атмосферу сонета *«ПЛАВАНИЕ»*, заданную в катренах оригинала. «Чудища» «волн» и «седая метель шквала» Коробова сродни *«морским страшилищам»* и *«пенистой вьюге»* Мицкевича. И только архаический тоpos «разверзлись небеса» в значении «на море грянул гром», введённый Коробовым вместо нейтральной фразы *«шум сильнее»*, конкретизирует истоки драмы, разыгрывающейся на море.

На примере сонета *«АЮДАГ»* наблюдается, как перевод и оригинал игриво перекликаются идентичными образами: «толпы грозных волн» перевода вторят *«чёрным рядам»* *«вспененных валов»* оригинала, а ослепительные *«серебряные снега»* Мицкевича переливаются в искрящуюся «словно снег» «серебряную влагу» Коробова. Но заключительная строка катренной части переложения выявляет в произведении новые оттенки смыслов. Нейтральное описание в оригинале того момента, когда волны отступают, в переводе представлено живописной и ёмкой метафорой («Когда перекипит волны взбешённой брага»), которая предвосхищает качественный взрыв терцетной части. Если во всех других сонетах переводчик расширяет смыслы оригинала обобщающими высказываниями, то здесь он конкретизирует связь поэтического творчества с морской стихией. Он именует импульсы, рождённые кипением страстей поэта, подобно бурлению моря («И вдохновение, и радость, и свобода») и показывает, что страсть и стихии не прямо преображаются в *«бессмертные песни»*, а посредством «вдохновения, радости и свободы», сублимированных из тревог и страстей. Именно их – «вдохновение, и радость и свободу», как движущие силы поэзии, а не *«песни»* поэта вообще он объявляет «бессмертными в веках».

Да, как пишет автор, «перевод Коробова не только чутко пересоздаёт смыслы столь многослойного произведения, но и углубляет их, высвечивая оттенки этих смыслов, открывшиеся ему в новой временной точке обзора»!

Итак, сонет как жанр, венок сонетов и, в частности, крымский сонет, имеют качества сверхтекста, а, вероятно, любую (или не любую, а особую) систему сверхтекстов теперь стоит соотносить с сонетной организацией.

При этом пока остается неотрефлексированным такое явление, как *корона сонетов*, система более высокого уровня, чем венок сонетов, в чем проявил себя И.Сельвинский. Такое его жанровое новаторство ждет своего осмысления.

В порядке диспута возникает также желание отрефлексировать (может быть, излишне придирчиво) такой посыл: «Невиданные возможности в исследовании знаковой наполненности отечественных территорий появились в связи с бурным развитием семиотики, позволившим выдающемуся философу литературы **Владимиру Николаевичу Топорову** (1928-2005), на примере любимого города, в исследовании «Петербург и “Петербургский текст” русской литературы» (1971, 1984, 1993) утвердить новый научный концепт *локального текста* для рассмотрения культурного ландшафта как некой особой «целостности, задаваемой пространством».

Строго говоря, сам Топоров не утверждал именно такой концепт. Для него Петербургский текст – не локален, а глобален и эксклюзивен, не переносим на другие пространства. «Перенос» его схемы происходил вопреки Топорову. Для каждого текстостроителя в таком понимании он остается внутренним «Мирзой/Мурзой».

Рассмотрение же автором сонетных книг истории становления крымского сонета сквозь призму концепции крымского текста оказывается абсолютно новаторским достижением, которое я склонен взять на вооружение в дальнейшей работе. Как и в локальном тексте, в венке сонетов, например, «содержание не сводимо к сумме смыслов отдельных сонетов», поскольку это – явление некоего нового, «сверхтекстового единства», осознанное ныне как самостоятельный жанр, несущий в себе «память» о своём рождении и развитии и, следовательно, – собственную поэтику.

В целом, двухтомник Л.Корнеевой – очень значимое событие в поле крымской гуманитаристики как таковой. Он заслуживает пристального внимания специалистов. И такие его обсуждения очень нужны.

Татьяна Жуковская

Не являясь специалистом-литературоведом, и тем более в области сонета, хочу высказать свое мнение только о содержании и значении книги Людмилы Корнеевой «КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ КАК ГЕОПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН».

Автор, являясь историком по образованию, в первой части книги дала развернутый обзор сонетной историографии, используя широкий спектр

литературных ссылок. Это уже очень полезное чтение для не очень просвещённой публики. А мы хотим просвещаться, узнавать новое и забытое старое...

Далее подробно исследуется творчество зачинателей крымского сонета. В первую очередь, Адама Мицкевича и его переводчиков XIX века. Это та культура двух, и даже трёх народов (Россия, Польша, Литва), взаимоотношения которых сегодня подвергаются испытаниям. Крым объединял, как ни странно это звучит сейчас. Впрочем, те, кто живёт здесь, кто посещал и посещает этот полуостров, не имеют претензий друг к другу. Крым изначально, по природе, своей многонационален.

Плавно рассказ о Мицкевиче перетекает в пушкиниану.

Но, конечно, расцвет крымского сонета достиг своего пика в начале XX века, и, в первую очередь, благодаря Максимилиану Волошину, не только знатоку Крыма, но и знатоку французской литературы с её сонетными традициями. Его вкладу в копилку сонета посвящена третья часть книги.

Четвёртая часть посвящена взаимодействию Крыма и сонета в творчестве современницы Волошина, судакчанки Аделаиды Герцык, у которой наблюдаются ярко выраженные сонетные периоды (1912, 1919), когда были написаны стихи, которые в наши дни объединены в циклы. В книге даётся не только представление о сонетиане А.К.Герцык, но и более широкая картина крымских реалий в её творчестве. Не только поэтических: сюда относятся также и фрагменты ее прозаических эссе.

Автор исследования приводит богатый список литературы по этому вопросу, особенно полезный для тех, кто ещё не знаком с творчеством поэтессы. В большинстве случаев автор ссылается на статьи, опубликованные в сборниках многолетних Герцыковских чтений (1996–2019). Это внушает радость уверенности, что они не зря были затеяны, не напрасно проводились и публиковались. Благодарно вспомним, что первые сборники вышли с поддержкой Дома-музея Марины Цветаевой в Москве, далее – с помощью Симферопольского университета (В.П. Казарин, О.С. Курьянов) и, наконец, при активной поддержке Музея-заповедника «Судакская крепость», где, кстати, была проведена и Школа сонета под руководством проф. О.И. Федотова.

В книге также дан обзор современных авторов крымского сонета, что внушает надежду на расширение этой организующей и строгой формы стиха на Крымской земле. А это, в свою очередь, повлияет, надо надеяться, и на реалии жизни, на её движение к упорядочению и красоте.

- **ЧИТАТЕЛИ** диалогии:

Ирина Попова

**Отзыв читателя-химика
на дилогию Людмилы Корнеевой**

Крым притягателен для каждого русского человека – и своей уникальной природой, и богатством исторического культурного наследия, и особым таинственным духом, ощущаемым во многих его уголках. Этот край многие столетия одаривал вдохновением множество творцов всех видов искусств и продолжает их вдохновлять. Тайна притягательности Крыма кажется непостижимой, но прикоснуться к ней, попытаться что-то понять нам, простым читателям, помогает поэзия. Только через мудрые строки великих поэтов, как мне кажется, возможно осмысление и прочувствование целей нашего существования на Земле. А Крыму посвящали свои творения самые великие поэты всех времен. Именно благодаря их творчеству мы сегодня переживаем и осмысливаем его историю, философскую сущность и понимаем, что такое **Крымский текст**.

Однако часто без помощи извне бывает чрезвычайно трудно вникнуть в смысл сложных поэтических строк, уловить все нюансы, которые автор хотел донести до нас, а может и не хотел, а изливал душу, свою боль, любовь, или его записывающей строки рукой водила божественная сила... Таинственность творческого процесса очевидна, и тем ценнее результат.

Одной из самых сложных поэтических форм всегда был для меня сонет. Эта тайна за семью печатями казалась мне древней и архаичной и не вызывала особенного интереса, тем более, что литература не является моей специальностью. И я не читала серию «Сонет: в блеске русской огранки». Но поскольку являюсь почитателем творчества Людмилы Корнеевой, то естественно, познакомилась с ее новым капитальным трудом, который вышел именно в этой серии. И Людмила Николаевна, как опытный гид-литературовед, не только убедила меня в том, что сонетная форма – вершина поэтической мудрости, но и научила читать сонет. Я увидела в этих 14 строках развитие сюжета, кульминацию и мудрый вывод. Это, по-моему, настоящая научная формула, которая была когда-то создана, а вернее, открыта, как и великие законы науки – законы Ньютона, термодинамики, тяготения, Периодический закон Д.И. Менделеева и т.д. Я поняла, что сонетный «закон», как олицетворение сущности культуры, пережил столетия и продолжает жить, и не только в далёких сонетах Шекспира и в английской поэзии, но и в русском поэтическом пространстве. Подробный разбор в диалогии сонетов Пушкина, Мицкевича, Волошина, Бунина и многих современных отечественных поэтов – помогает понять их философскую глубину и значимость. А что особенно интересно – это то, что именно Крымский ландшафт способствовал развитию этого жанра в русской поэзии.

Многоликость Крыма и умудренность сонета – Людмила Николаевна этой мыслью насквозь пронзает всю свою дилогию. Читать действительно надо неспешно, вдумчиво, и хотя это непросто в наше быстрое стремительно несущееся время, но призыв автора мною был услышан...

А вот венок сонетов – это вообще высший пилотаж. И правильно, что Людмила Николаевна всю вторую часть своей дилогии посвятила именно этой сонетной форме. С помощью опытного гида в лице автора я **смогла** прочесть сонетный венок Волошина «Corona Astralis», **оценила** «Минареты» Валерия Митрохина, «Родиться в этом карантине времени» Владимира Докшина, «Феодосийский венок» Ирины Репиной... Продолжаю читать неспешно, возвращаясь к прочитанному, к комментариям Л.Н. Эта дилогия со мной надолго.

И еще хотелось бы отметить капитальность труда автора – список литературы огромный (мне, как научному работнику, это о многом говорит), работа проделана колоссальная, с обращением к огромному пласту научных сведений и исследований по теме, и результат впечатляет. Нам, не очень опытным почитателям поэзии, дилогия Людмилы Корнеевой – бесценный дар.

Елена Митрохина

**по поводу изданий книг Людмилы Корнеевой
«Крымские сонеты как геопозитический феномен»
и «Венок сонетов в крымском предстоянии»**

На мой взгляд, столь пристального внимания и глубокого анализа крымская литература до сих пор не знала.

Да, были попытки разобраться в том, что здесь – на этом интеллектуальном срезе – происходит. Особенно помнится незаурядная личность В.Вихрова, который сделал несколько подходов к данной теме. Но это были шаги в классику. Его блистательные размышления о творчестве, например, Александра Грина, сделали великолепного фантаста общедоступным для массового восприятия. Но данный критик и многие другие никогда и ни слова не написали о своих современниках...

Что-то с тех пор изменилось?..

Да. Литературная критика исчезла вообще и, похоже, надолго, если не навсегда.

Однако столь опрометчивый вывод в нашем контексте, мягко говоря, был бы неуместен. И прежде всего потому, что свято место пусто не бывает. Его сегодня заняла весьма выразительная фигура. Я говорю о Людмиле Корнеевой, издавшей одну за другой подряд три монографии, посвященные не просто литературе Крыма. В своих последних двух книгах неизвестный до сих пор критик анализирует не вообще крымскую литературу как явление. Но сонетное творчество.

Для массового читателя тонкие жанровые различия значения не имеют. Стихи и стихи. Какая там строфика и графика рифмовки, ему всё едино. Главное для восприятия – трогает оно тебя или нет – данное стихотворение. Что же касается венка сонетов, так этот подвид вообще высший пилотаж. И далеко не каждый стремится стать пассажиром в столь опасном полёте.

Но именно эти для читателя как бы неважные нюансы как раз и делают в его душе погоду. И как раз опытным синоптиком, главным метеорологом здесь и стала в крымском литературном небе наша Людмила Николаевна Корнеева.

Я пишу эти заметки из сугубо корыстных побуждений и в знак благодарности к этому человеку.

Моя корысть и причина моего чувства к ней заключаются в том, что я считаю Митрохина Валерия Владимировича непревзойдённым на сегодня мастером сонетного жанра. Что и увидела и во всех своих книгах высоко оценила Людмила Корнеева. И это даёт мне уверенную надежду, что его достижения на этом поприще не пропали даром. И что значит, мы, разделившие с ним его литературную судьбу, страдали не напрасно.

Его сонеты и венки останутся в сокровищнице русской поэзии. То есть жизнь, посвящённая творчеству, в том числе сонетному, прожита им не зря...

Галина Яковлева

«Крымские сонеты» Людмилы Корнеевой

Весна этого года принесла мне неожиданную радость: я получила посылку с книгами: «Крымские сонеты», два тома, прекрасно изданные, интересно оформленные. Как человек, пишущий стихи, я была знакома с этой поэтической формой: строгость построения, высокий стиль, философское наполнение содержания. Сонеты связывали память с именами великих поэтов Петрарки, Шекспира, и мне казалось, что писать сонеты недостижимо для меня. Однажды я даже написала стихотворение «Попытка сонета»:

Испытываю страх перед сонетом.
Он с неземною связан красотой,
Наполнен он сияньем, горним светом,
И чужд ему обычный слог простой.

А я земная: песни, встречи, лето
Живут в стихотвореньях. Их настрой,
Пожалуй, стоит мелкую монету.
А вот сонет... Он славен высотой.

В его словах и разум, и мечтанья,
В них страсть, и поражение, и порыв,

Мелодия стихов исповедальна.
Мы слышим их божественный мотив.

И всё ж иду к сонету. Дружбе быть.
Нам вместе с ним страдать, мечтать, любить.

И вот теперь я смогла погрузиться в наполненную сонетами страну, которая любовно распахнула высокие кованые двери перед посетителем.

Ту работу, которую выполнила Людмила Николаевна Корнеева, можно назвать подвигом. Во-первых, из огромного потока сонетов, посвящённых Крыму, она отобрала самые значительные, самые яркие. Она вложила свой талант, свою прекрасную душу в организацию этого путешествия в страну сонетианы. Наслаждением для читателя было погружение в дивный мир сонета, когда ты проникаешься чувствами поэта, живёшь его переживаниями, вместе с ним влюбляешься в яркую красоту Крыма и понимаешь его особость. Во-вторых, она собрала, прочтала и изучила труды литературоведов, сказавших своё слово о сонетах. И, в-третьих, она так глубоко проникла в суть каждого сонета, в его плоть, что сумела открыть глаза читателю на тонкие особенности написанного, часто не замечаемые читателем, даже при медленном чтении. Это проникновение в суть стихотворения вызывает восторг открытия, обогащает душу. И ты снова и снова возвращаешься к прочитанному, не желая с ним расставаться...

Особо хочется отметить построение рассказа автора. В своём вступительном слове Людмила Николаевна дружески обращается к читателю, сразу вводит его в маршрут путешествия и задачи, которые она ставит не только перед собой, но и перед каждым вдумчивым путешественником по волшебной стране. Она настраивает на свою волну, и мы охотно следуем за нею. И перед нами открываются не только изумительные красоты Крыма, но и вдохновенные души поэтов, прикоснувшихся к его чуду. Пушкин, Мицкевич, Волошин, Бенедиктов... Но многие имена и многие сонеты впервые звучат для нас и оставляют волнующий незабываемый след. Мы слышим могучую симфонию, посвящённую чудесной земле под названием Крым и его волшебной одухотворяющей силе, связанной с историей и культурой места. Взгляду открывается обширная панорама, нарисованная известными российскими поэтами прошлых лет и нашими современниками – крымчанами.

Леонид Вышеславский, Аделаида Герцык, Владимир Микушевич, Валерий Митрохин, Константин Фролов, Татьяна Алюнова и другие авторы показали «различные грани образа крымской земли».

Настоящим потрясением стал второй том – «Венок сонетов в крымском предстоянии». Людмила Корнеева вводит читателя в эту сложнейшую поэтическую форму, любовно анализирует цикл стихотворений, раскрывает последовательность развития мысли, новаторские приемы автора. Её разбор

может служить учебником для попытки написания сонета, так он глубок, точен и выразителен.

Нельзя не сказать о языке Людмилы Николаевны, о соответствии высокой теме словарного состава её работы. Он тоже возвышен, свободен от бытовых затасканных слов, чётко выражает мысль и чувство автора, не допускает ошибочных толкований. Правда, вначале я должна была настроиться на её манеру речи, приходилось заглядывать в словари. Но я даже благодарна Людмиле Николаевне за то, что она помогла мне усвоить новые понятия, обогатить мою речь новыми словами.

Особенная благодарность Людмиле Николаевне за душевную щедрость и открытие богатейшего мира крымской сонетианы, любовное прочтение сонетов и венков сонетов, неутомимость и целеустремлённость в непростом поэтическом путешествии...

Есть книги, прочитав которые, не хочешь с ними расставаться, возвращаешься к ним не раз, чтобы оживить понравившуюся мысль, усвоить правила написания сонетов, сравнить своё толкование смысла того или другого сонета с авторским... Именно к таким я отношу двухтомник Людмилы Николаевны Корнеевой о крымских сонетах.

Я уже писала об этом, но повторяюсь. Начну с того, что из числа других книг её работа выделяется утончённостью и богатством языка, особенной вязью в построении фраз, избытком обычно не употребляемых слов. Начинаешь читать – окунаешься в море, которое тебя и заманивает вглубь, и удивляет неожиданными течениями, и восхищает красотой. Всё непросто, сложно, всё завораживает и восхищает. Вот как сказала Вера Николаевна Любчик (автор одного из рассматриваемых в книге сонетов) : «Насчёт слога Людмилы Николаевны – это как чистейший хрусталь, до восторга душе. Таких авторов, ТАК пишущих, у нас больше нет. Она – наше достояние». И я с ней полностью согласна.

Но признаюсь, что я сразу завела свой словарь, куда вносила слова, смысл которых надо было уточнить, и начала со слова ПРЕДСТОЯНИЕ. В словаре Ожегова этого слова нет, а есть ПРЕДСТОЯТЬ – значит «ожидается в будущем (то, что должно произойти)». Такое толкование меня не устроило. В интернете это слово связано прежде всего с религиозными верованиями: предстояние перед богом, предстояние перед смертью, то есть имеет высокое значение, как бы ответ перед высшей силой за совершённое нами на земле. Я не могла согласиться с глубоко религиозным толкованием сонетного венка, в этом мы расходимся с автором книг о крымских сонетах. По своим убеждениям, я реалист, материалист и не хочу кривить душой. Меня восхищает бесценный труд Людмилы Николаевны Корнеевой, её глубочайший интерес к сути крымских сонетов, тонкий анализ содержания. Но позвольте мне остаться при своих убеждениях.

Во втором томе – « Венке сонетов в крымском предстоянии » – я решила выбрать « Феодосийский венок » Ирины Репиной. Дорогие друзья, я долго

колебалась, решая, послать ли свой опус, посвящённый «Феодосийскому венку»: несколько раз внимательно перечитала высказывания Людмилы Николаевны о нём, несколько раз внимательно перечитала сам венок сонетов. Читая работу Людмилы Николаевны, я вижу убедительные доказательства её суждений об этом венке, тонкие замечания, поиск подтверждения её мысли. Но у меня совсем другой настрой при чтении «Феодосийского венка», я не воцерковлена, я материалист. Можете отнести меня к « бескрылому потоку официозного советского стихотворства». Но всё-таки я решила представить на суд моё восприятие блестящего «Феодосийского венка». Ведь все мы имеем право сказать своё мнение, ничуть не обижая и не отвергая чужое, тем более – настоящего специалиста.

Мне было интересно побольше узнать об авторе «Феодосийского венка». Внушительный перечень её статей по океанологии, участие в экспедициях по всему миру, широкий кругозор и богатые исторические знания, творческий талант – всё было ярко, рождало уважение. Венок сонетов был интересен потому, что он связан с городом, в котором я живу. Какой же она увидела Феодосию?

Это реальный, реалистичный город с присущими южному городу особенностями, город, который она не раз обошла в прогулках, который распахнул ей свои объятия и показал свои незатейливые красоты. Сады, силуэты древних башен, надгробия, беспокойное море, звёзды, изгибы куполов, росные травы по утрам, гряда холмов, выжженные тропинки, осыпающаяся стена, кресты на старой церковушке – всё близко каждому, кто побывал здесь, всё надолго запомнилось. И всё говорит о богатой истории древнего города, об уважении к его прошлому. Ирина Анатольевна чувствует неразрывную связь времён. Она самым тесным образом соприкасается с памятью города, его многовековой историей. Как ярко говорит об этом первый сонет! Именно здесь пришла к ней большая любовь, очень непростая, когда обстоятельства разводят людей в разные стороны, но сердце не может смириться с долгой разлукой, рвётся к новым встречам. Любовь безмерна, она живёт вместе с героиней и в северных краях, и в заморских поездках. И невозможность соединения с любимым приводит автора к образам высоким, возникает Фавор с догорающей сказкой, и Лукоморье (Феодосию часто называют городом у лукоморья). Я принимаю эти библейские вставки как поэтические образы. И здесь же возникает Одиссей, ожидание встречи, романтический Грей с алыми парусами. Но так мала надежда, и море «в пене грязно-серой несёт печаль». Им предстоит разлука, хотя любовь, как мир горий, украшена цветами. Впереди расставание и, может быть, разлука на долгие годы или навсегда. И придёт зима, тоскливый вой вьюги, годы ожиданий и слабеющая надежда, и молитвы при свете свечей. Разве нам не знакомы минуты страстных переживаний, молитвенного обращения к любимому и томительного ожидания чуда? В жизни возникнут другие встречи, чужие объятия, но навсегда останется глубинная память о прекрасной любви, как запах горячо любимой полыни. Невольно возникают

вечные вопросы: в чём истина, как разрешить противоречия жизни. И вот здесь снова возникает встреча не с любимой полынью южного берега, а с высшей силой, со звездой Полынь, символизирующей волю божью. Какое яркое поэтическое противопоставление! Горькое осознание невозможности исполнения мечты и неугасимое чувство любви – вот завершение венка сонетов. И до последней строки остаётся память о земной прекрасной любви, возникшей в городе со старыми развалинами, с ушедшими в сон садами и страстной молитвой: «Но рук не разомкни и не покинь в скитании по кругу возвращения!» И это скитание я связываю с настоящей жизнью, несущей возможность встречи, возвращения в объятия любви. «Феодосийский венок» – это благодарный поклон старому городу и гимн любви! Может быть, моё понимание «Феодосийского венка» упрощённо (без связи с творчеством Волошина и с предыдущими произведениями Ирины Репиной), но я сказала о том, как я воспринимаю этот венок.

Нина Шестакова

- Это поистине незаурядное событие в литературной жизни не только Крыма! Жду бумажного варианта, чтобы надолго – рядом – со мной (продлевать момент душевного удовольствия в соприкосновении с высоким человеческим духом). С поздравлением и уважением к скрупулёзному и вдохновенному вашему труду!

- ...Книгу получила несколько недель назад. Я буквально жила в ней! Нашла в ней своих знакомых: *Микушевича* (инфернальный старец – очень редко появляется со своей программой поздно ночью, не всегда удавалось послушать. Но это то, что следует слушать, эти встречи повышают твой личный запас интеллектуальных накоплений на несколько уровней); *Митрохина* нужно просто найти в городской библиотеке и погрузиться в него. Несколько новых для меня имён, тоже очень интересных. Материал объёмный, чрезвычайно полезный для моего личностного чувственно-интеллектуального роста (этот загадочный, интуитивно-ассоциативный пласт познания). Я не смогу его воспроизвести ни устно, ни письменно, подобно Вам, но это то, что я верно чувствую.

Но сейчас перерыв – занимаюсь опять здоровьем после стационара... А эта книга – вещь тонкая: для работы с ней нужен настрой. А у меня эти тривиальные хлопоты о здоровье... Надеюсь, что скоро пойду на поправку. Спасибо Вам за эти «книжные встречи»...

Ольга Сологуб

...Людмила Николаевна, читая Ваши книги о крымской сонетиане, проникаешься аурой Крыма и сонета, и ещё больше понимаешь, что «в Крыму нельзя не быть поэтом»...

Эту удивительное воздействие я ощутила ещё тогда, когда вникала в другую Вашу книгу – «У Времени на юру. История Крыма в русской поэзии»...А «Семь сонетных прозрений о Максимилиане Волошине» я читала в юбилейном Волошинском мае на склоне Алчака, откуда открывался огромный мир моря, гор, холмов, воспетых поэтами Серебряного века – Киммерия, созданная Максимилианом Волошиным...

Впервые же эту энергетику я ощутила в конце 80-х годов, когда побывала в Доме-музее Волошина, а также в старом доме Герцык. Уже потом, волею судьбы, я оказалась в Судак, этом благодатном месте...Здесь выпало счастье: Герцыковские чтения, Киммерийские встречи, знакомство с поэтами и художниками...

Ваши книги вернули меня в то удивительное состояние. А диалог о сонетах дополнила мои ощущения ещё и энергетикой этой удивительной поэтической формы.

Я всегда восхищаюсь людьми, которые много знают, прекрасно излагают свои мысли, открывают в творчестве других поэтов то, что казалось непонятным... Думаю, Судак должен быть благодарен судьбе за то, что в нашем городе живёт писатель, который озабочен продвижением творчества и судакских авторов, дополняя ауру литературного Судака.

Ваши книги, Людмила Николаевна, требуют вдумчивого, неспешного чтения. Мне бывает стыдно, что я многого не знаю, но они заставляют совершенствоваться, постоянно узнавать что-то новое. Они дают импульс к поэтическому творчеству. Вот и я сделала первую попытку в создании венка сонетов. Это, конечно, громко сказано... Это просто попытка побывать в мире сонета, пронизанного Крымом. Пусть это детский лепет, но для меня важны ощущения, которые я испытывала при этом... Вот такое воздействие! Спасибо за вдохновение и новые знания!

Людмила Лоскот

У каждого человека своё предназначение в жизни. Главное, надо смочь успеть выполнить ту задачу, которая была поставлена перед тобой при рождении. И как бы ни играла с тобой судьба, идёшь по дороге жизни (короткая она или длинная), день за днём выполняешь, как заданный в школе урок то, что задаёт жизнь и даёт возможность жить дальше. А возможность эта заключается в созидании добра, умении оставить о себе радость встреч, общения, память.

Я благодарна судьбе за подаренную мне встречу с замечательным человеком, творческой личностью, влюблённой в поэзию, в своё дело – Людмилой Николаевной Корнеевой. Мне посчастливилось работать с ребятами из школьного театра «Ника» над презентацией её книги «У времени на юру. История Крыма в русской поэзии», которая очень обогатила знания и утвердила любовь ребят к русской поэзии. С большой благодарностью ребята – каждый участник презентации – получили в подарок из рук автора книгу.

Сегодня держу в руках две новые книги Л.Корнеевой, посвящённых, пожалуй, одному из самых трудных разделов лирической поэзии – сонетам. Книги невозможно читать бегло, как развлекательный роман или сборник лирических стихов. Вместе с автором, перелистывая страницы, изучаешь и познаёшь то, чего не знал, не задумывался. И это всё – посвящение Крыму! С восхищением преклоняюсь перед настойчивостью и талантом автора книг, за умение видеть глубокий философский смысл сонетов и возможность преподнести читателю «яркий и многосложный мир крымской поэзии». Титанический труд, знания, культура, преданность, влюблённость, красота и чистота души – вложены в создание этих книг. Это дорогой подарок культурному наследию Крыма, России. И память о человеке, посвятившем себя выполнению своего предназначения в жизни.

Уверена, что как у любого творческого человека, сегодня у Людмилы уже новые планы, наброски стихов и поиски тем... Творчество безгранично! Желаю Успеха!

Анатолий Фомин

(Отзыв высказан в телефонном разговоре, записан ведущим собрания).

К поэзии я всегда относился с почтением, особенно – к классической. В моей библиотеке много книг русских поэтов: Пушкина, Лермонтова, Блока, Бродского, которые я часто читаю, а стихи Бунина я даже пою... Интересуюсь и иностранными поэтами: Беранже, Гейне... Да и сам я, не считая себя поэтом, нередко отзывался душевной потребности записать свои мысли стихами. Недавно даже изданы мои поэтические книги: «Жизнь моя» (2018) и «Калейдоскоп мыслей и чувств» (2019).

...Но так случилось, что до сих пор о жанре сонета я только слышал, но не знал о его особенностях. Книга Людмилы Корнеевой «Венок сонетов в крымском предстоянии» (из диалогии о крымской сонетиане) подала мне надежду, что этот пробел в моих литературных познаниях возможно восполнить. И я с интересом взялся за чтение...

Однако признаюсь: несмотря на то, что в книге приводится объяснение многих понятий, вникая в теоретическое вступление книги, я часто обращался к словарям и другим информационным источникам. То есть, хочу отметить, что книга для чтения непростая: не однажды хотелось, чтобы автор более подробно объяснила какие-то слова и выражения. К примеру, в начале чтения книги мне особенно не хватало понимания, что обозначает слово «предстояние». Правда, в завершающей части книги (я полагаю, что это с запозданием) оно раскрылось во всей полноте.

Что я понял о сонете, благодаря этой книге?..

Во-первых, мне стало понятно, что сонеты существуют для того, чтобы поэтически фиксировать не просто летучие впечатления жизни, но – отстоявшиеся мысли о ней. А как историк хочу сказать об особенностях книги, на которую с пониманием и полным согласием откликнулось моё

сердце. Людмила Корнеева толкует поэзию о Крыме, записанную венками сонетов, не только как всестороннее и глубокое знакомство с этим особенным местом нашей страны, но как ключ к пониманию Крыма и крымской истории вообще.

В целом, это издание, во многих своих качествах, я оцениваю как добротное филологическое исследование о крымских сонетах и венках (автор обращается к мыслям многих учёных, хорошо владеет филологическим словарём), но главное, что оно стало для меня осязаемым толчком для развития моих занятий стихосложением... Да и к Крыму эта работа меня тоже приблизила. За это и хочу выразить благодарность автору.

Владимир Фролов

Людмила Николаевна, ...честно говоря, за то время, как книги о крымских сонетах появились у меня в руках, я успел с ними ознакомиться только частично, не читая текст от начала до конца. Свое, неспешное прочтение могу объяснить, возможно, тем, что где-то в подсознании скрыто желание растянуть как можно дольше удовольствие держать эти книги в руках и наслаждаться процессом познания. Такое состояние я испытывал, читая произведение Татьяны Алюновой «Роман с одним городом», где в тексте, по моим понятиям, плотно сконцентрированы мысли и, чтобы их «переварить», мне приходилось часто останавливаться в чтении.

В ваших же трудах, наряду с высокопрофессиональным специфическим литературным языком писателя-исследователя (если уместен такой термин), темп чтения сдерживает большое количество не понятных мне слов. Вы можете мне возразить, что, мол, книга, в таком случае, попала не в те руки. Но ведь в этом и есть смысл познавательно-просветительского значения ваших книг. Пропустить непонятные слова, отмахнуться от них и читать текст книги дальше не получается, так как возникает большая интрига в познании смысла незнакомого слова.

Например, как мне не разобраться с тем, что поэзия для Людмилы Корнеевой – экзистенциальное пространство? Раньше я знал, что для Людмилы главная миссия поэта – упорядочение неуправляемых и непостижимых потоков жизни, а теперь я узнаю еще что-то новое, и рука сразу тянется к словарю. Кто же такая многоликая Людмила Николаевна, человек, который поразил меня впервые своими характеристиками поэтов и их творчества в книге судакской поэзии «Обретая истины»? Что за феномен, как я считаю, Людмила Николаевна, которая с научным подходом, глубоко профессионально проанализировала, исследовала творчество большого количества знаменитых поэтов, список имен которых в книгах занимает с десяток страниц? Получить на то ответ я попытаюсь при основательном чтении книг Людмилы Корнеевой «КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ» и «ВЕНОК СОНЕТОВ».

Не обижайтесь на меня, Людмила Николаевна, что не смог дать оценку вашему огромнейшему труду: у меня не хватает знаний, не хватает

образования в сфере литературы. Мы смотримся, как два человека, где один у подножья горы, а другой – на вершине. Вы и видите дальше, и горизонт у вас шире.

Валентина Шевченко

О книге Людмилы Корнеевой

«Венок сонетов в крымском предстоянии»

Размышляя о смысле жизни, невольно тянешься к поэтическим строкам, где в сжатой форме находишь близкие сердцу выражения, мыслеобразы, отвечающие твоему внутреннему настрою. В них сосредоточен иной мир, особый, тонкий. Не всегда и не каждый может понять его, впитать в себя.

В довольно сложном переплетении смысловых пространств и отражений книга Людмилы Корнеевой «Венок сонетов в крымском предстоянии» незаменима для вдумчивого читателя. Она является неким путеводителем по бесконечным тропам онтологических смыслов, источником вдохновения и открытия нового неведомого Крыма, его духовной ауры, отразившейся в мудрости такого жанра как венок сонетов. Её появление вызвано и утверждением зачинателя Крымского венкового эпоса Максимилиана Волошина, что «всё искусство основано на понимании», то есть произведение начинает существовать с тех пор, как оказалось понятным для читателя.

С первых страниц направляя взгляд на судьбоносные строки венка сонетов М.Волошина «Corona Astralis», автор открывает для нас целостность картины мира, место каждого из нас в этом мире, то есть в познании невидимых измерений, как в космосе, так и на Земле. В постепенном исследовании каждой строки поэта, появляется ощущение незыблемой связи всех времен: от зарождения жизни на планете до нынешнего момента. Красной нитью протянута антропософская мысль, что «человек несёт в глубинах своего существа все тайны мироздания, словно некий невидимый свиток, который может быть развернут и прочитан каждым, кто проникнет в тайные пространства глубинной памяти... В результате возникает совершенно иная перспектива, новая связь человека со всем потоком мировой истории».

С.М.Пинаев, исследователь творчества М.Волошина, в своей книге «Себя забывший бог» не зря подметил, что «из вечного Коктебеля» «потом разрослось всё». Людмила Корнеева наглядно продемонстрировала правдивость этого замечания. В этой книге она исследовала крымские произведения в жанре венка сонетов. Среди многих привлекает творчество в этом жанре наших современников: Дмитрия Тарасенко, Василия Рыкова, Сергея Овчаренко, Ирины Репиной, Бориса Васильева-Пальма, Валерия Митрохина, Владимира Докшина, Елены Зейферт и других. Но сколько

других талантливых, известных и неизвестных читателю, произведений крымских авторов стали доступными для сегодняшнего читателя!

Книга пестрит редкими цитатами литературных критиков, интересными воспоминаниями современников, яркими поэтическими описаниями уникального природного разнообразия Крыма. К ней хочется возвращаться, перечитывать главу за главой, чтобы сблизиться с духом киммерийской земли, глубже проникнуть в её смысловые излучения, исполниться её горячей любовью и состраданием.

От всей души хочу поблагодарить автора за глубокий литературный анализ собранных поэтических произведений, которые звучат для нас, сегодняшних, многогранной симфонией «экзистенциальных голосов... о непостижимом апофеозе бытия». Даже тот, кто не вник ещё в таинства этой многострадальной земли, не прошёл её тропами, а только прикоснулся к поэтическим строкам, запечатлённым в книге, непременно мысленно выстроит Лик этого уголка, ошеломляющего своей красотой и многомерностью, почувствует его духовную неповторимость и возвысится душой сам как человек.

Ольга Мосиенко

Я, Ольга Мосиенко, увлекаюсь поэзией, прозой, духовными трактатами. Хочу выразить благодарность Людмиле Корнеевой за оказанное доверие высказать своё мнение о её авторской книге «ВЕНОК СОНЕТОВ В КРЫМСКОМ ПРЕДСТОЯНИИ»!

Сразу хочу сказать, что эта книга дала возможность прикоснуться, да что там прикоснуться – погрузиться с головой в тайную, волшебную философию крымского сонета! Для меня в этом произведении отчётливо проявилось трепетное, душевное отношение автора к крымским поэтам, создавшим замечательные и великие венки сонетов. Автор, всей своей чуткой душой, наполненной крымскими нотками вдохновения, направляет читателя по тропам сонетов и утончённо рассказывает, что сонет как жанр, является высшим пилотажем поэтической мысли и проникает в глубинное царство подсознания, откуда черпаются таинственные подсказки, неведомые уму человека.

Читая «Венок сонетов в крымском предстоянии», я была приятно удивлена авторской задумке: «книга в книге»... Вот, воистину книжный шедевр, не побоюсь этого слова... Получается так: напившись любовью автора к сонету на примере конкретных произведений, я обнаружила в себе неимоверное желание, тягу, жажду прочитать эти венки сонетов полностью. Захотелось закрыть глаза и погрузиться в таинство запредельного, неизведанного в создании сонетной философии. Для этого мне пришлось бы отвлечься на поиски сонетных книг... Но ведь за это время может улетучиться внутренняя эйфория. А здесь, в единой книге – два в одном: читатель знакомится с творчеством поэтов и на волне эмоций, чувственного

сопричастия к происходящему в повествовании, ведомый автором книги, плавно погружается в сказочную стихию сонетного произведения.

Благодаря книге Л.Корнеевой, я эмоционально прониклась к венкам сонетов именно крымских поэтов. Читая сонетный венок М.Волошина «CORONA ASTRALIS» с комментариями автора книги, невольно приобщаешься к пониманию, что сердце продиктовало поэту строки, посланные из Запредельного, потому, что сердце может знать смысл дальних событий. Как писал Н. Рерих: «Сердце может летать, укрепляя нужные союзы. Сердце может приобщаться к дальним мирам». И, думаю, не случайно Л.Корнеева выделяет высказывание глубокого знатока крымской сущности Александра Люсого: «Киммерия стала для М.Волошина, духовным космодромом, отталкиваясь от внутренних пейзажей которого, он воспарил в неземные измерения».

Скажите, вот как? после таких строк, не обратиться к пристальному чтению Великого Венка Сонетов, чтобы тоже воспарить в Космические дали...

Людмила Корнеева так нежно, и в то же время настойчиво, доносит читателю свою влюблённость в сонет и творчество крымских поэтов. При этом, автор книги словно сама проживает ту энергию, которая исходит из крымской Земли и витает в воздухе, маня шёпотом волн, поцелуем горного ветра, пропитанного ароматами можжевельника, разнотравья и солнечного обаяния...

Благодаря искусству автора книги донести до читателя непревзойдённую высоту художественного, научного, философского подхода к сонету как жанру поэзии, начинаешь понимать, что этот жанр действительно пробуждает внутреннее созерцание Вселенной на таком особом плане, а также увлекает и вдохновляет к творчеству, ведь ничто не может так напрячь и сместить Сознание, как мощная мысль! А когда мысль насыщает пространство, то начинается магнетическое Творение. И потому я вижу в этой книге не только настоящее пособие для изучения творчества крымских поэтов, но и волнующий проводник в таинственное и неизведанное – и в глубине сознания, и в крымском пространстве.

Но, главное, благодаря духовному и сердечному подходу в создании этой книги, Людмила Корнеева посеяла в моей душе, да и у многих других почитателей крымской поэзии, золотое зерно любви к крымскому сонету и утвердила веру, что Крымскому Венку Сонетов – быть и впредь!

А в целом, эту книгу я воспринимаю как источник мыслей, направленных на пробуждение сопричастности к крымским сонетам на одной вибрации с Высшими Силами! И это очень близко моей душе!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВЕДУЩЕГО

Людмилы Корнеевой

Автор обсуждаемых здесь книг исповедует убеждение, что главное назначение любой книги – её познавательной энергии – подать читателям импульс для собственного внутреннего движения: и эмоционального, и интеллектуального. А писательской сверхзадачей данных, как будто бы специальных, книг автору изначально виделся интерес к ним читателей с различной филологической подготовкой.

Поэтому интерес к такой смыслоёмкой форме презентации продиктован, в первую очередь, неизбывным желанием почувствовать, как отразилась авторская энергия в осознаниях различных читателей: и участников книжного повествования – поэтов-сонетистов и авторов сонетологических разысканий; и культурологов, иницирующих крымские культурные практики; и непрофессиональных почитателей поэзии. Исходя из этой сверхзадачи, в ОБРАЩЕНИИ автора к читателям был задан посыл рассматривать книги не только в качестве объекта для какой бы то ни было оценки, а как повод для высказывания накопившихся мыслей данной тематики: о Крыме, о поэзии, о крымских сонетах.

При этом очень хотелось услышать суждения, не тронутые влиянием извне (которое неизменно возникает при единовременном коллективном обсуждении), но исходящие исключительно из непосредственного общения с книгой (думается, что они-то и могут дать наиболее объективные читательские оценки). И надо признаться, что в сознании автора изначально мерцало, как общественно значимое, особое задание такого особого Собрания: осознать точки роста в текущем крымском литературном движении.

Теперь, по завершении встречи, можно сказать, что этот мечтательный замысел автора книг и организатора этой встречи счастливо воплотился. Первое впечатление после прочтения полученных отзывов – конечно, радость. Как от созерцания многозвёздного неба: так воспринимаются их авторы в высоком небе крымского бытия. Притом каждая из звёзд неповторима, а все вместе освещают неповторимый поэтический Крым.

Для автора главная радость от состоявшейся презентации в том, что появились основания считать эти книги интересными для читателей, независимо от характера связи читающих с литературой; к тому же, обратная связь оказалась настолько содержательной, что раскрыла объёмное видение каждого участника

обсуждения – и проблематики книги, и позиции их автора, и, часто, – будущих горизонтов крымской литературы.

По существу, своё заключение мне хотелось бы выстроить, отталкиваясь от определяющей мотивации действия, организованного в пространстве обсуждаемого книжного цикла:

«Священность онтологического ландшафта Крыма уже давно освоена национальным сознанием россиян, а крымская поэзия накопила огромный опыт служения Крыму <...>. Такое служение в православной традиции принято называть *предстоянием*...Как известно, предстоят перед Богом или перед образом, воплощающим божественную сущность. И герои нашей книги, каждый своим путём, на своей высоте, явили пример предстояния перед Крымом как перед Высшим обликом пространства. <...> И...– перед Вышней силой – как заступники Крыма, которые молитвенным строем своих произведений утверждают его божественную означенность, просят о его сохранении или заклинаят его возрождение».

Судя по высказываниям выступающих, означенная мотивация книжного повествования была принята большинством читателей. Взволнованность же их мыслей о существе прочитанных книг и одобрительные оценки понимаются как читательский знак о поддержке этой духовной акции, а по существу, – как *читательское предстояние* перед Крымом и за Крым, во имя его сохранения и возрождения. Пронизанность всех высказываний крымскими притяжениями очевидна и неукоснительна.

Сказать что-то новое о прежде творивших поэтах, например о Волошине или о Сельвинском, после уже написанного о них, очень трудно. Но это всё же легче, чем разбирать творчество современных авторов, которые ещё не попали в поле внимания критиков и литературоведов. Конечно, в этом случае исследователь, не скованный условиями предыдущих оценок, имеет практически неограниченную свободу. Но, в то же время, работая исключительно с живым текстом поэта, исследователь берёт на себя ответственность за адекватную интерпретацию девственного произведения. И риск очевиден: ведь ныне живущий автор может и не принять представленную трактовку...

Судя по высказываниям на собрании, читатели оценили смелость автора интерпретировать произведения современной поэзии. И, что особенно отраднo, сонетисты, создавшие эти произведения, не отвергли предложенную интерпретацию.

«Вы подробно разобрали мой венок и даже (кажется, я уже говорил об этом) нашли то, о чем я не подозревал. Но крепче всего запомнилось Ваше

первое впечатление, что я, мол, такого больше не напишу. Я воспринял это адекватно – не как приговор или недооценку себя любимого, а как первый признак Вашего хирургически-точного анализа текста. Действительно, такое пишется раз в жизни, и то не во всякой, да под влиянием сильнейших потрясений (в данном случае – со знаком плюс).<...>.

Не надеялся, что из моего венка можно сделать столько выводов и так по-взрослому все это предоставить. Даже Сенека упомянут дважды, притом обоснованно (о втором разе я не подозревал). Да, это здорово, когда литературовед и самому автору открывает глаза» (Дмитрий Тарасенко).

«Сначала я бегло просмотрел присланный мне том, затем внимательно начал читать посвящённую моей сонетиане главу...И поразились громадности той работы, что проделала Людмила Николаевна, одевая лавровый венок на каждую упоминаемую голову. Анализ буквально каждой строчки, да ещё вкупе с разборкой классиков – А.Пушкина, М.Волошина, А.Мицкевича и других...<...>. Тонкое проникновение в чужую душу – залог успеха в анализе предложенных концепций, в которых сам автор бывает порой противоречив и неустойчив. В такой ситуации исследователь должен дать единственно верный вывод, либо наиболее общепонятное предположение (гипотезу). Причём не только дотошно, но и с любовью. Всеми этими качествами обладает Людмила Корнеева, входя в мельчайшие детали подтекста, связывая их золотой цепочкой замеченной ею неочевидности. » (Адольф Зиганиди).

«Спасибо Вам за глубокий, тонкий анализ особенностей мастерства крымских авторов, которым и талант, и геопоэтическое чутьё позволило освоить код Крыма, и написать замечательные произведения высоких жанров: сонеты и венки сонетов» (Тамара Егорова).

«Рано поверил в то, что «счастье – это когда тебя понимают» («Доживем до понедельника»), и теперь в творческом общении с Вами стократ в этом убеждаюсь. Да, Вы дарите мне счастье понимания. И второй том Вашей Сонетианы – бесценный мне подарок» (Владимир Докшин).

«Чем ПРОЗРАЧНЕЕ анализ, тем зримее стремление критика помочь автору выразиться точнее и ярче. МНОГИЕ вещи после ознакомления с Вашим анализом, я доработал, и, как мне кажется, улучшил.

А вместо тех, что не поддались моей воле, я создал новые.

В результате появилось не только много новых сонетных форм, несколько венков, но и поэм, иных крупных форм. Я дополнил стихоповесть «Великий Пост», усилил и расширил поэму «Киммерийский мост». Появилось еще три небольшие, православного содержания былины «Всадник Понтий Пилат », «Ирис», «40 святых»...

Благодаря Вам я стал более уверенным в себе. Мне теперь много легче решать те или иные творческие идеи... Потому что мысленно я постоянно ориентируюсь на ваш эстетический вкус, церебрально советуюсь Вами...» **(Валерий Митрохин).**

«Продолжаю читать понемногу одну и другую книгу, стараясь делать это не спеша и вникая в авторские интонации, вслед за нитью повествования автора или чуть отступая от неё, уносимая боковым ветром каких-то воспоминаний, сравнений, мечтаний... Хорошо, что метод медленного чтения (прочтения) позволяет получать удовольствие от бережного подробного рассмотрения творчества крымских авторов сонетов и венков сонетов» **(Вера Любчик).**

Очень важна для автора поддержка сочетания в одной книге тематической монографии и тематической антологии:

«Изумительно то, что Людмила Николаевна взялась за титанический труд: найти и опубликовать лучшие творения в этом жанре и направлении. Потому что именно вдумчивое чтение крымских сонетов и венков наиболее ярко проявляет особенность сонетного жанра» **(Елена Проскурякова).**

«Наравне с текстом автора живут в книгах тексты поэтические. Часть из них мне не была известна. Все вместе они (особенно для меня в случае венков сонетов) создают единый многогранный образ все той же любимой Киммерии. Новые тексты тематически и непосредственно текстологически связаны с ранее написанными, реминисценции при чтении стихов подряд становятся прозрачными. Ощутимо восстанавливается связь времен...» **(Вера Подковырова).**

«Читая “Венок сонетов в крымском предстоянии”, я была приятно удивлена авторской задумке: “книга в книге”... Вот, воистину книжный шедевр, не побоюсь этого слова... Получается так: напившись любовью автора к сонету на примере конкретных произведений, я обнаружила в себе неимоверное желание, тягу, жажду прочитать эти венки сонетов полностью. Захотелось закрыть глаза и погрузиться в таинство запредельного, неизведанного в создании сонетной философии. Для этого мне пришлось бы отвлечься на поиски сонетных книг... Но ведь за это время может улетучиться внутренняя эйфория. А в этой книге – два в одном: читатель знакомится с творчеством поэтов через слово автора книги и, на волне эмоций, чувственного сопричастия к происходящему в повествовании, ведомый автором книги, плавно погружается в сказочную стихию сонетного произведения...» **(Ольга Мосиенко).**

Особенное удовлетворение для автора в том, что эти книги инициировали в читателях потребность в сонетном высказывании. Некоторые из участников Собрания поделились в своих откликах вновь рождёнными произведениями. И мы получаем удовольствие, проникаясь сонетно высказанным глубокомыслием известных сонетистов Дмитрия Тарасенко, Аллы Кармаза, Адольфа Зиганиди. А в первых сонетных опытах Галины Яковлевой, Анатолия Чайки и Ольги Сологуб радостно удивляемся точности попадания авторов в жанровый регистр, чуткости к существу избранной темы и можем поздравить поэтов с рождением первых сонетных произведений на крепком основании для сонетного творчества.

Автору сонетной диалогии важно заметить, что постижение сонетного жанрового кода с неизменностью отразится на творческой судьбе авторов, как когда-то произошло с Пушкиным: весь его поэтический мир, пройдя через строгие ворота сонетного мышления, приобрёл невиданную философскую глубину и объём, навсегда утвердившиеся во всех формах его творчества. Но, разумеется, такое возможно лишь на веском основании бытийных и творческих накоплений. Эту мысль мне хотелось высказать сонетно. И об этом – в моём посвящении Галине Яковлевой. Обращаю его также ко всем поэтам, настроившимся на сонетный способ познания бытия:

Путь к сонету

Галине Яковлевой

Серебряной росой родного слога
Умыться в час, назначенный судьбой,
Познать свой голос в горнем диалоге
И в щедрых песнях укрепить мечтой;

Пройти не узкой окружной дорогой,
А, видя даль, – извечной, столбовой:
Тот путь душе дарует свет и строгость,
А сердцу – силу страсти огневой.

Так, познавая жизни код сакральный,
Алмазы мудрости растит в душе поэт...
И вдруг заговорит исповедально...
И вдруг огранит первый свой сонет...
И вот теперь в кругу его витальном
Сонетно дышит каждый самоцвет.

10 мая 2020

Ещё одна авторская радость в том, что я получила вести о неформальном характере связи моей работы с открытиями и методологией моих научных вдохновителей: А.П.Люсого, Т.А.Кошемчук, В.Г.Подковыровой, С.С.Голиковой. Они откликнулись на мою работу не сухой научной

рецензией, а философско-литературоведческими размышлениями о связи моей работы с Крымом и Крымским текстом.

Их мысли о ценности обсуждаемого крымского книжного цикла и об особенностях поэтики автора, явных и неочевидных, высказаны ненарочито и по существу, в глубоком русле своей научной мысли, в личностном эмоционально-интеллектуальном великолепии. Вряд ли есть иной способ, который мог бы дать равноценную энергию для повышения самооценки автора и для повышения статусности нашего, как будто провинциального мероприятия.

Александр Люсый:

«Подлинным открытием для меня стала ярко продемонстрированная в этих книгах дружеская встреча крымского пространства и жанра сонета, персонифицированная во встрече Пушкина (и, поверх него – крымского “первопоэта” Семена Боброва) и основателя жанра “крымских сонетов” Адама Мицкевича».

«Собственно Бобров при этом сонеты как таковые не писал, но “Таврида, увиденная поэтом лицом к лицу, была воспринята им как образ творческой игры природы и как богоизбранное место для духовного восхождения человека» («Венок сонетов в крымском предстоянии». С.8). А это в какой-то мере уже сонетный настрой, некий предсонет по ассоциации с претекстом».

«При этом рассмотрение истории становления крымского сонета сквозь призму концепции крымского текста оказывается абсолютно новаторским достижением, которое я склонен взять на вооружение в дальнейшей работе».

Татьяна Кошемчук:

«Отбор из всех венков крымской темы сделан Людмилой Корнеевой не просто с тонким вкусом и разнообразной отзывчивостью (венки в их самобытности чрезвычайно, до удивления разные!), но ее творческое осмысление огромного подлежащего материала было влекомо, думается, импульсом ПОЗНАНИЯ. Не лирические излияния, не чувства и коллизии отношений на фоне крымских пейзажей, но познавательная интенция поэта в отношении Духа Крыма – этот критерий явно обозначен в книге Людмилы Корнеевой. Чем еще, как не санкцией Крымского Духа, с его огромным властительным обаянием для русских душ, могут быть соположены изысканные и совершенные произведения поэтов, каждый дающий свою географическую грань и особый ракурс постижения Крыма?»

«Книга богата серьезными филологическими штудиями, обобщениями того, что сказано филологами-предшественниками и современниками, причем доброжелательное внимание к чужим трудам и проникновениям выявляет и подчеркивает их достоинства, предлагает читателям эти дары исследовательских достижений в очищенном и усиленном виде. И не только обобщение чужого. В книге Людмилы Корнеевой демонстрируется и настоящее искусство филологической аргументации, когда последовательно и веско, шаг за шагом, безупречно движется мысль к своему обоснованию, например, в таком неочевидном для меня изначально тезисе, как киммерийская укорененность, заземленность духовных порывов в космические дали – в венке сонетов Максимилиана Волошина “Corona Astralis”».

«С такой книгой, как эта, можно вместе размышлять – именно так: она выпадает из моих рук, потому что возбужденная ею мысль, оттолкнувшись от задевшего нюанса мысли или от выраженного чувства – более, от пронзительно названной данности, уже сама движется в предложенном русле... и вновь возвращается к течению авторского размышления, порой продолжая его. Вот: онтологическая тоска, которую особенно остро провоцирует Крым и которая отражается в крымском тексте. Конечно! Это веяние Крымского Духа, его первое прикосновение – в мире, столь насыщенном смыслами, пока еще неочевидными, но высокими. Тоска по сущности – это не душевная тоска, которая разливается по нашим необъятным русским равнинам (как песня ямщика) и по туманным далям, но в сгущенном крымском пространстве, в интенсивном его заполнении Гением места – творящий Дух одарил эту землю всеми чудесами географии и всем многообразием исторических цивилизационных аллюзий, воззвал к причастности...»

«И особенно близка мне всякий раз в каждой главе книги чуткость автора к духовной или мистической составляющей, очевидной в волошинском венке, явленной в венках советского времени как подтекст, осторожно или в невольном поэтическом взлете выговариваемой. Так это и у поэтов постсоветских, в творчестве размыкающих навязанные мировоззренческие грани и обретающих свободу духовного чувства к миру, но все осторожных и знающих чувство меры и вкус в мистических и мыслительных постижениях, – именно эти черты, вероятно, служили отбору венков в книгу. Подобные чувства к миру и интенции души умеет тонко схватывать и высвободить в тексте венков Людмила Корнеева, и ценно в книге это внимание к малейшим проявлениям духовного, спровоцированного Духом Крыма, без видимых знаков религиозности, но с глубинным чувством связи с высшим. Отсюда и акцентируемые автором книги в представляемых венках сонетов – учительные смыслы природы и истории, глубокие реакции на

драматизм общественной и политической грани бытия, русская жажда праведного мироустройства и православные тона молитвенных порывов».

Вера Подковырова:

«Но, существующая в напечатанных книгах, написанных картинах и наших душах изумительной красоты страна, где каждая деталь наполнена глубинными смыслами и прекрасна, должна обнаруживать свое существование новыми материализовавшимися формами. Именно ими стали две появившиеся книги Людмилы Корнеевой. Когда ты заходишь в любимый дом, где незнакомые люди наводили порядок, всегда очень боишься, что что-то выкинули, принесли ненужное, но главное – уничтожили дух места. Я редко поэтому читаю книги о сонетах и Венках – есть свои представления, и по недостатку времени больше хочется общаться с самими поэтами. В прочитанных изданиях позиция автора не раздражает. Даже если ты в чем-то не согласен, искренность отношения к текстам, пронизанный любовью подход к их интерпретации и, главное, способность многомерного и вневременного восприятия самого Крыма и его отражения в поэтических образах, рождает желание прочесть все, что написал автор».

«Мир поэзии минувших лет, бережно протертый руками автора, как будто освещается новым светом: лучи восходящего солнца окрашивают море, горы, блики искрятся в морской ряби, солнце поднимается выше и свет выплескивается на земли за горами... Мир сияет и оживает. Карадаг шевелится, море пытается отнять у меня понравившиеся камушки, но при этом так дивно шепчет свою мелодию, что я прощаю его...»

Светлана Голикова:

«...Людмила Корнеева соединяет с мыслью о Крыме тему сонетостроения как акта самопознания.

Грандиозна миссия, инспирированная подобной великой задачей. Кропотливое постижение крымского универсума и проникновение в историческую прапамять Тавриды гармонично соотносятся с убежденностью автора в парадигме божественного целеполагания истории».

«Активное противоборство с деструкцией, “космизация хаотического”, неиссякаемость энергии, с которой бытие упорядочивает себя в противостоянии небытию, – тема, заветная для идеологов ноосферогенети-ческой школы, с которой соотносит себя исследовательница».

«Побуждает задуматься эпиграф к дилогии, первая строчка из стихотворения Боратынского:

О мысль! Тебе удел цветка...

Изображения розы – и в виде рисунка, и фотографией на обложке – не дадут усомниться, что автор настойчиво просит читателя не пройти мимо аллюзий на сокровища европейской розатеки, от алхимических флорилегиумов до шедевра мысли Даниила Андреева.

Мерцает в этом скрытом послании и надежда:

А тут зерном своим падучим

Он зарождает новый цвет».

Особенно дорого автору, что впечатлениями и осознаниями читателей подтвердился просветительский характер этих изданий:

«Для массового читателя тонкие жанровые различия значения не имеют. Стихи и стихи. Какая там строфика и графика рифмовки, ему всё едино. Главное для восприятия – трогает оно тебя или нет – данное стихотворение. Что же касается венка сонетов, так этот подвид вообще высший пилотаж. И далеко не каждый стремится стать пассажиром в столь опасном полёте.

Но именно эти для читателя как бы неважные нюансы как раз и делают в его душе погоду. И как раз опытным синоптиком, главным метеорологом здесь и стала в крымском литературном небе наша Людмила Николаевна Корнеева» (Елена Митрохина).

«И Людмила Николаевна, как опытный гид-литературовед, не только убедила меня в том, что сонетная форма – вершина поэтической мудрости, но и научила читать сонет. Я увидела в этих 14 строках развитие сюжета, кульминацию и мудрый вывод. Это, по-моему, настоящая научная формула, которая была когда-то создана, а вернее, открыта, как и великие законы науки – законы Ньютона, термодинамики, тяготения, Периодический закон Д.И. Менделеева и т.д. Я поняла, что сонетный «закон», как олицетворение сущности культуры, пережил столетия и продолжает жить, и не только в далёких сонетах Шекспира и в английской поэзии, но и в русском поэтическом пространстве» (Ирина Попова).

«Что я понял о сонете, благодаря этой книге?..

Во-первых, мне стало понятно, что сонеты существуют для того, чтобы поэтически фиксировать не просто летучие впечатления жизни, но – отстоявшиеся мысли о ней. А как историк хочу сказать об особенностях книги, на которую с пониманием и полным согласием откликнулось моё сердце. Людмила Корнеева толкует поэзию о Крыме, записанную венками сонетов, не только как всестороннее и глубокое знакомство с этим

особенным местом нашей страны, но как ключ к пониманию Крыма и крымской истории вообще» (Анатолий Фомин).

«В ваших же трудах, наряду с высокопрофессиональным специфическим литературным языком писателя-исследователя (если уместен такой термин), темп чтения сдерживает большое количество не понятных мне слов. Вы можете мне возразить, что, мол, книга, в таком случае, попала не в те руки. Но ведь в этом и есть смысл познавательно-просветительского значения ваших книг. Пропустить непонятные слова, отмахнуться от них и читать текст книги дальше не получается, так как возникает большая интрига в познании смысла незнакомого слова» (Владимир Фролов).

«В довольно сложном переплетении смысловых пространств и отражений книга Людмилы Корнеевой «Венок сонетов в крымском предстоянии» незаменима для вдумчивого читателя. Она является неким путеводителем по бесконечным тропам онтологических смыслов, источником вдохновения и открытия нового неведомого Крыма, его духовной ауры, отразившейся в мудрости такого жанра как венок сонетов. Её появление вызвано и утверждением зачинателя Крымского венкового эпоса Максимилиана Волошина, что «всё искусство основано на понимании», то есть произведение начинает существовать с тех пор, как оказалось понятным для читателя» (Валентина Шевченко).

«При безусловной научности трудов судакского автора подкупает их нацеленность на диалог, осознанная миссия учительства и просветительства, рождающая интонацию вольной беседы о вещах заразительно интересных и животрепеюще важных» (Светлана Голикова).

Автору также дорого читательское поощрение вложенного в создание этих книг труда и внимания, которым достойно наделён каждый участник просветительского проекта:

«Стихи не только собраны в уникальную коллекцию, но и изучены, и описаны с точки зрения литературоведческой. Осмысливать чужое творчество – непростое дело. Изучить творчество десятков авторов, их жизнь и замыслы в литературе с позиций историографии – тяжелейшая задача, на решение которой уходят годы (Елена Проскурякова).

«И поразила громадности той работы, что проделала Людмила Николаевна, одевая лавровый венок на каждую упоминаемую голову» (Адольф Зиганиди).

«Поразительно заботливое внимание, которым автор буквально окутывает «фигурантов» своей дилогии, – поэтов, разноплановых как по стилю, так и по степени «звёздности»: для крымчанки Людмилы Корнеевой принципиально важно пестовать Крымом порождённые опусы (Светлана Голикова).

«Уже сейчас я, благодаря вашему труду, заново открыл литераторов, которых, казалось, хорошо знал» (Валерий Митрохин).

Хотелось бы упомянуть о сложностях избранной для рассмотрения темы, порождённых изначально полемическим характером многих основополагающих литературных и философских реалий.

- Одной из моих главных авторских трудностей при вступлении в роль инициатора сонетного путешествия в пространстве поэзии стало обретение собственной чёткой позиции в отношении к канону. Эта задача потребовала изучения подробной истории русского сонета. Выяснилось, что в отечественном литературном пространстве проблема канона – перманентная, а дискуссия вокруг неё – и в практике поэтов, и в литературной критике – как раз и стала двигателем развития сонета *из твёрдой формы до статуса полноценного жанра*. А началась она ещё баталиями Сумарокова с Тредиаковским. Пушкин же внёс в осмысление этой формы свою неизбывную огненную энергию (что и показывают разыскания современных литературоведов). Апогея же эта сущностная полемика достигла во время Серебряного века: большинство авторов той поры сознательно шли по пути разрушения внешнего канона, чтобы найти и опробовать новые варианты для обозначения сложной диалектики своей поэтической мысли. Например, И.Анненский был в первых рядах этого движения, ибо в его маркированных произведениях сонетной формы трудно найти канонически закреплённый ход диалектики авторской мысли. И.Бродский как один из самых последовательных наследников Серебряного века явил апофеоз вольности русского сонета (что прощается только гениям), но его творчество открыло поэтам новые горизонты для проявления внутренней сонетности их поэтических исканий. То есть, в практике русских поэтов изначально наблюдаются разные традиции: строгого соблюдения европейского канона; традиция вольного русского сонета, возникшая ещё в XVIII веке, но авторитетно утверждённая Пушкиным; сонетные формы. Все традиции не исключают появления прекрасных произведений.

В итоге моя позиция определилась в виде образной формулы: **«СОНЕТ: в блеске русской огранки»**. В этой формуле заложено признание нетрадиционного художественного бытия РУССКОГО СОНЕТА, особого блеска его национальной огранки. Но эта позиция не могла взрасти без признания коронного положения сонета в сфере мировой поэзии: и не только как особо огранённой внешней формы, но и как особого способа поэтического видения, определяющегося не столько внешней формой,

сколько содержанием, то есть, внутренней формой. Вот почему в своей читательской практике я не сосредоточиваюсь на строгости внешней формы, но включаю своё острое чутьё к внутренней сонетности: в первую очередь, к метафизическому регистру поэтического голоса и к драматической диалектике лирической темы. И вовсе не обязательно наличие нарочитого – «тезис-антитезис-синтез». Сонетный итог может родиться не только из противостояния, но и посредством «прорастания» смысла (как в шекспировском сонете), в многослойной диалектике, в преодолении нескольких рядов противоречий. Понимая всё это, я убеждённо пропускала прекрасно отделанные четырнадцатистроичники, лишённые сонетного драматизма, но выбирала для общения сонеты, хоть и разной строгости внешней формы, но внутренне – обязательно сонетные, и с радостью вникала в их внутреннюю архитектуру и смыслы.

Уже давно наблюдаю, что в наше время крайние позиции в отношении к канону как-то неожиданно гармонизируются: они довольно мирно сосуществуют – на основе теоретического приятия иного взгляда (одни мирятся с оправданными нарушениями канона, а другие – с почтением восхищаются удавшимся стремлением к идеалу). Но поскольку внутренние предпочтения диктуются не сознанием, а подсознательными накоплениями поэтов и читателей, то в практике каждый следует внутреннему зову. В обсуждаемой сонетной диалогии и в отзывах на неё тоже наблюдаются различные подходы к канону. Думаю, что дискуссия вокруг этой темы полезна, в первую очередь, тем, что она обогащает наше подсознание и уточняет траекторию нашего восприятия и практического общения с сонетом, позволяет точнее отвечать внутренней потребности к дальнейшему упорядочению своей поэтической мысли.

- В отзывах читателей затронута тема религиозности и атеизма, которая является самым глубоким основанием всего обсуждаемого произведения. Разумеется, это интимная сторона жизни человека, и полемика здесь ничего не решает. Но несколько умозаключений об этом всё же необходимо высказать...

Конечно, необходимо различать истинную религиозность, то есть веру в божественность мироустройства, и модную позицию постатеистической эпохи – выказывать различными способами свою якобы обрётённую веру, духовность как веру. И многие поэты стали использовать эти понятия без мысли о его истинном значении, лишь для поэтической образности...

А различать действительно трудно. Например, в отношении венка сонетов Ирины Репиной у нас с Галиной Григорьевной Яковлевой даже возникла полемика. Все религиозные понятия в венке И.Репиной Галина Григорьевна восприняла как художественную образность. У меня же в процессе анализа поэтического творчества поэта собрались основания для убеждения, что в мировоззрении И.Репиной органично переплетаются материалистические принципы научного анализа природных явлений и вера в существование иномирия...

А совершенно необъяснимое впечатление, которое оставляют произведения поэтов эпохи официального атеизма, нужно вообще отметить особо. Внешне в них как будто нет никаких видимых меток приверженности религиозному миропониманию. Но ощутимо до очевидности и то, что поэтическая точка опоры их авторов, тем не менее, живёт где-то вне зримого и понимаемого... И потому не отпускает мысль, что именно эта связь пишущего с «Неисповедимым Первоначалом» и обнаруживает в человеке созерцающее существо – ПОЭТА.

- В ходе презентации я получила несколько справедливых замечаний читателей о том, что в начале книги о крымских венках нет объяснения слова «предстояние». Но у меня есть одно оправдание: в начале книги я не смогла бы объяснить так, как это стало возможным сделать в конце, когда за каждым словом объяснения читатель уже может представлять не абстракции, а конкретные судьбы поэтов, посвящённые служению во имя Крыма: «Следуя за образно-смысловой цепью наблюдаемых крымских венков сонетов, можно было убедиться воочию, что они родственны молитве не только тем, что самим устройством жанра предстательствуют о сущностном, то есть предзаданном в образе Крыма, но и тем, что, по воле своих авторов, рождаются в лоне истинной, действенной любви к Крыму. Все авторы венков сонетов по-настоящему предстоят перед Вышней силой как заступники Крыма, которые молитвенным строем своих произведений утверждают его божественную означенность, просят о его сохранении или закликают его возрождение» («Венок сонетов в крымском предстоянии», стр. 238-239).

Пользуясь случаем, отмечу недовысказанное в книгах о моём личном видении образа Крыма. В смысловых сгущениях крымских сонетов и венков живёт высшее эстетическое начало крымского пространства: оно зиждется в посреднической миссии между созидющим духом древности, сосредоточенным в Средиземноморье, и историческим творчеством современности, центром которого всё явственнее утверждается Россия. Как ни удивительно, но с наибольшей очевидностью это крымское эстетическое начало проявляется в политических реалиях. Так что некий крымцентризм характерен не только для русской поэзии, но и для политики России: ведь начиная с нового времени, все политические проекты, зарождающиеся в столицах, как правило, разрешаются в Крыму. И мы, свидетели очередной цивилизационной развязки в Крыму, можем вполне обоснованно сказать, что крымский край России стал символом её идентичности как мощного и независимого государства. И это символическое значение Крыма – одно из высших проявлений его пространственной красоты.

В заключение необходимо сказать вот о чём. Поэзия знала времена, когда её значимость низводили до статуса *относительной ценности*: мол-де поэты далеки от жизни. Но мы-то понимаем, в чём дело. Просто поэты судят о жизни не прямо, а опосредованно: используя возвышенные категории, они воюют за жизнь в её сущностном высоком понимании. А в сонетистах,

вооружённых бронебойным философским оружием специальной поэтики, нетрудно увидеть самых неустанных и подробных певцов важнейших бытийных обобщений.

Сегодня поэзия призывает служить ей верой и правдой. Этот зов направлен к тем, кто понимает её *абсолютную ценность*. Значит, пока мы растим и сохраняем в себе чуткость к поэзии и поэтам, мы вместе с ними *предстоим* за жизнь в её заповеданном высоком назначении.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Адольф Зиганиди

Всевышнего на всём лежит печать

ВЕНОК СОНЕТОВ

«Ищу я в этом мире сочетанья
прекрасного и вечного...»

«Ночь», И.Бунин

1

Ищу я в этом мире сочетанья
добра и зла, присущего векам,
в объятьях гробового ли молчанья,
иль погрузившись в суету, бедлам.

Пусть мне простятся тщетные исканья -
до истины хотел дойти я сам -
она на алтаре лежит Странья,
но не посмел войти я в этот Храм.

Страньем не наказан, хоть и грешен,
вселенский грех не давит на меня,
и не боюсь геенного огня -

Судьбы я благосклонностью утешен.
Желание в себе я отмечал
познания божественных начал.

2

Познания божественных начал
влечёт к себе таинственная Сила -
могучести Атлантова плеча
и предсказаний пламенных Сибиллы.

В крови порой вскипает, горяча,
пьяня, как мексиканская текила.
Познаний жажда - яркая свеча,
огнём она горит неугасимым.

Пусть будет осиян Её чертог,
звучит пусть упоительная Лири

и в царствие непознанного мира

**в веках открыты тысячи дорог.
И вечною притягивает тайной
небесных тел далёкое мерцанье.**

3

**Небесных тел далёкое мерцанье -
Венеры зов, порою близкий Марс,
Селены вековечное сиянье,
и Козерог, и Лев, и Волопас -**

**их царственных имён сильно влиянье,
и чёрных дыр, чей свет давно угас,
и тайны Бытия, и Мирозданья -
всё издавна притягивает нас.**

**Но это всё пока ласкает глаз,
а тайна за пудовыми замками,
и мы себя лишь тешим именами,**

**им данными за тыщи лет до нас.
Нам Бог с доисторических начал
Земли велит осваивать причал.**

4

**Земли велит осваивать причал,
но лик её не портить неумением.
Леса и воды в панике "кричат",
теряя в безысходности терпенье.**

**Богатства чрева в доменных печах
мы плавим, соревнуясь с изверженьем,
на берегах журчащего ручья
нередко встретишь хлам и испражненья.**

**И буйствуют цунами, и потоп
бушует на местах, когда-то чистых,
и сносятся дома, дороги быстро.**

**Мы молимся в церквах, чтоб Бог помог,
но тщетно нам на Бога упованье -
ответственными быть должны деянья.**

5

**Ответственными быть должны деянья
в порывах, в озарениях ума,
в масштабности открытый, в ликованьи
богатым урожаем в закромах.**

**Но долгое в оружьи состязанье,
политиков заносчивых размах
встречает бездна Космоса молчаньем,
с печатью вечной тайны на устах.**

Нам непонятны многие знаменья,
что Высший Разум подавал векам,
что прорицал нам мудрый Нострадам,

но в Библии гарантия спасенья,
и суть её давно пора понять:
ВСЕВЫШНЕГО НА ВСЁМ ЛЕЖИТ ПЕЧАТЬ!

6

Всевышнего на всём лежит печать:
в заветной силе крестного знаменья,
в способности угодий воскресать
при влагою небесной орошеньи.

Вовеки суждено не угасать
пернатому пленительному пенью,
и солнышку над водами сиять,
и зреть плодам, и ветра дуновенью.

И Колыбель нам следует беречь,
быть осторожными в своих дерзаннях,
не потрясать устоев Мироздания,

коль не стремимся в Огненную Печь.
А от Него одно лишь наказание:
великое любовью истязанье!

7

Великое любовью истязанье
ОН уготовил нам и принял смерть,
за все грехи людские воздаянье -
распятие нам вечно лицезреть,

и вечно ожидать небесной манны,
и, не дождавшись, просто умереть,
и не услышать по себе осанну
или в Геенне Огненной сгореть.

ОН милостью своей благословит,
кто верует в Него, смилив гордыню,
склоняет перед Ним смиренно выю,

а те вкусят, в чьих душах Бог забыт,
удары сатанинского бича
и вечный страх Дамоклова меча.

8

И вечный страх Дамоклова меча
привычен миллионам, и привычка
перестает угрозой в мозг стучать -
становится грозой сугубо личной.

В житейской суете сует обычной

расслабиться даёт и поскучать,
и атеизмом ВЕРЕ докучать,
разгульной жизнью антиаскетичной.

Единосущность ВЕРЫ не видна -
идёт война религий и сектантство
разъединяет, порождая чванство,

и вот уже ликует Сатана.
Но истина нас радует сияньем:
ЕГО любовь - природы ликование.

9

ЕГО любовь - природы ликование:
бессменная лазурь античных вод,
зелёных трав безбрежных колыханье
и краткость бурь, мутящих небосвод.

Даровано нам чудо созерцанья
сезонов смены друг за другом в год:
то мёрзнет антипод, а мы в сияньи,
то мы в снегах, а он - наоборот.

Нам в этой смене радости даны:
утра рассвет, наполненный любовью,
с пьянящею, бушующею кровью,

влекущих за собой приход весны.
Дарят неиссякаемую новью
и солнца луч, и лунный блеск волны.

10

И солнца луч, и лунный блеск волны
в веках любовью наполняют сердце,
и лица добрых душ озарены,
и от любви им никуда не деться.

Но тут и там суровый лик войны
грозит народам страхом интервенций,
а Молох не дарует индульгенций,
и злобою сердца опалены.

Но есть на каждый яд свой антидот
международных форумов и съездов,
он укрепляет у людей надежду,

что время примирения придёт.
Придут понятия чётки и ясны,
и буйное кипение весны.

11

И буйное кипение весны
разбудит в нас любовь и вдохновенье,
понятней станет явь и ярче сны,

а значит, и понятней сновиденья.

Польются звуки тронутой струны,
умолкнут пушки, станет слышным пенье,
и горечь нераскаянной вины
заменится мажорным настроеньем.

И мы оценим лета благодать,
и пищу даст обласканная нива,
осознанною станет перспектива,

что лучше не крушить, а создавать.
И радость даст нам это осознание,
и томное природы увядание.

12

И томное природы увядание
нас щедростью своей ошеломит,
её самозабвенный колорит
разбудит в нашей памяти преданья

о силе и величии дерзанья -
им вдохновлялся славный наш ПИИТ,
звал к милости и к падшим состраданью -
призыв Его и ныне не забыт.

И зимний хлад дарить нам будет бодрость,
а не унылость стуженых квартир,
и радовать нас будет вечный мир,

и добродушие вселять в нас и весёлость.
Ну а пока...даруют нам морозы
и радости, и горестные слёзы.

13

И радости, и горестные слёзы
проходят - так твердит Экклезиаст,
спокойствие сменяют нам угрозы,
и если не было чего, так Бог подаст:

Писателям - воинственную прозу,
поэтам - вдохновения экстаз,
в засухе изойдут дождями грозы,
и свечи озарят иконостас.

И Лира зазвучит с особой силой -
её уже востребован приход,
уже светилом сделан поворот,

и долго греться нам в лучах светила,
и воспевать в поэзии и прозе
и боли явь, и сладостные грёзы.

14

**И боли явь, и сладостные грёзы -
не антиподы, а Единосуть.
Дубы и сосны, ели и берёзы
все вместе - лес, их ветру не согнуть.**

**И Индивид держать не должен позу -
его всегда легко с пути столкнуть,
а сообща мы справимся с угрозой,
и легче сообща осилить путь.**

**Об этом сам с собою рассуждаю,
делюсь с друзьями, выношу в печать,
поскольку Бог велит мне не молчать,**

**и я вопросы вечные решаю:
Добра и зла, веселья и страданья
ищу я в этом мире сочетанья.**

МАГИСТРАЛ

**ИЩУ Я В ЭТОМ МИРЕ СОЧЕТАНЬЯ,
ПОЗНАНИЯ БОЖЕСТВЕННЫХ НАЧАЛ,
НЕБЕСНЫХ ТЕЛ ДАЛЁКОЕ МЕРЦАНЬЕ
ВЕЛИТ ЗЕМЛИ ОСВАИВАТЬ ПРИЧАЛ.**

**ОТВЕТСТВЕННЫМИ БЫТЬ ДОЛЖНЫ ДЕЯНЬЯ,
ВСЕВЫШНЕГО НА ВСЁМ ЛЕЖИТ ПЕЧАТЬ:
ВЕЛИКОЕ ЛЮБОВЬЮ ИСТЯЗАНЬЕ
И ВЕЧНЫЙ СТРАХ ДАМОКЛОВА МЕЧА.**

**ЕГО ЛЮБОВЬ - ПРИРОДЫ ЛИКОВАНЬЕ:
И СОЛНЦА ЛУЧ, И ЛУННЫЙ БЛЕСК ВОЛНЫ,
И БУЙНОЕ КИПЕНИЕ ВЕСНЫ,**

**И ТОМНОЕ ПРИРОДЫ УВЯДАНЬЕ,
И РАДОСТИ, И ГОРЕСТНЫЕ СЛЁЗЫ,
И БОЛИ ЯВЬ, И СЛАДОСТНЫЕ ГРЁЗЫ.**

